

18+ Елена Фёдорова

# *Нурек+Рогун=Вечность*

Роман



Елена Фёдорова

**Нурек+Рогун=Вечность. Роман**

«Издательские решения»

**Фёдорова Е.**

Нурек+Рогун=Вечность. Роман / Е. Фёдорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513428-8

Мальчишки познакомились в Таджикистане. Их родители строили самую высокую в мире насыпную плотину в труднодоступном горном районе Нурек, который старожилы называли Адом на земле. Но все тяготы и трудности тех лет не шли ни в какое сравнение с испытаниями, выпавшими на долю повзрослевших друзей. Жизнь преподнесла им множество сюрпризов и заставила поверить в то, что всё происходящее на земле, заранее предопределено...

ISBN 978-5-00-513428-8

© Фёдорова Е.  
© Издательские решения

## Содержание

НУРЕК+РОГУН=ВЕЧНОСТЬ	7
Встреча	7
Нурек – Норак	11
Вода и жизнь	16
Плотина	25
Ностальгия – Асабони	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Нурек+Рогун=Вечность Роман

**Елена Фёдорова**

© Елена Фёдорова, 2021

ISBN 978-5-0051-3428-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



сайт автора <http://efedorova.ru>

**Елена Фёдорова** многоплановый автор. Она пишет для детей и взрослых. Во всех её произведениях есть и тонкая ирония, и тайный смысл, заставляющий читателя по-новому посмотреть на окружающий мир. Елена не перестаёт удивлять читателей. Каждая её книга – это открытие с непредсказуемым сюжетом.

Современный автор говорит нам о любви – самом светлом человеческом чувстве, возвышенном, возвышающем нас над временем. Поэтому и творчество её вне времени, вне временных границ и сиюминутных условностей.

Тот, кто знаком с произведениями Елены Фёдоровой согласится со мной, что её книги, как воздух, чистый горный воздух, которого нам так не хватает. Автор предлагает читателям сделать глубокий вдох и, отказавшись от всех условностей, стать самим собой, поверить в то, что чудо может произойти с каждым из нас в любой миг.

**Инна Богачинская – поэт, писатель, журналист, переводчик,  
академик Академии Народного Искусства.**



**Посвящается светлой памяти**

**Николая Григорьевича Савченкова Почётного гражданина города Нурек, Заслуженного строителя Таджикистана, главного инженера строительства Нурекской ГЭС, первого начальника строительства Рогунской ГЭС.**

## НУРЕК+РОГУН=ВЕЧНОСТЬ

*Истина не познаётся расчётами. Лишь язык сердца знает,  
где живёт великая Правда, которая ведёт человечество к восхождению.*  
**Николай Рерих «Легенды»**

### Встреча

Илья Петрович Моисеев ждал женщину, незнакомую даму. Ему рекомендовали её, как серьёзного специалиста, знающего своё дело. Оговорились, правда, что эта «железная леди» не станет безропотно выполнять его приказы, потому что у неё на всё есть свой взгляд. Она полагается на интуицию и действует по законам совести, записанным на скрижалях вечности.

Эта информация Илье Петровичу не понравилась. Он – президент одной из крупнейших строительных корпораций, привыкший к тому, что подчинённые, а их несколько тысяч человек, налету ловят его слова и незамедлительно выполняют все его желания, а уж приказы тем паче. Но ему зачем-то понадобилась эта дама, живущая не по духу времени, а по велению сердца.

Илья Петрович усмехнулся. Подумал о том, что дама нужна ему для деликатного дела, которое он не может доверить ни одному из своих приближённых. Он и себе-то не доверяет. Он знает о постоянных своих метаниях, о раздвоенности мыслей и желаний, которые доводят его до бешенства и превращают в монстра. Незнакомка, которую он ждёт, должна ему помочь. Она просто обязана это сделать, потому что она – серьёзный специалист...

– Илья Петрович, к Вам пришли, – сообщила секретарь.

– Отлично. Я жду, – Илья Петрович поднялся. Он любил встречать гостей стоя. Выработал для себя такую привычку. Многих это обезоруживало, а ему добавляло силы и уверенности в себе.

Распахнулась дверь. Илья Петрович не смог скрыть разочарования.

– Нет, это несерьёзно... – воскликнул он вместо приветствия. Он ждал ДАМУ, нарисовал её образ, придав ему солидные формы, наделив гостью огненным взглядом, напористостью, против которой ему не устоять. А в дверь вошла пигалица, этакая девочка-мальчик, нимфетка.

– Нет, друзья мои, это несерьёзно. Это... – Илья Петрович плюхнулся в кресло. Его грузное тело расплылось, размякло, стало бесформенным.

– Добрый день! – гостья снисходительно улыбнулась. – Я привыкла к подобным встречам. Один вопрос: мне уйти?

– Да, – он махнул рукой, но тут же спохватился. – Стоп... Стойте... Пройдите... Присядьте... Извините, что я... Просто...

– Просто Вы ждали другого человека, а пришла я, – она подошла ближе, но садиться не стала.

– Глупая школьница, пацанка, – подумал Илья Петрович, пробуравив гостью строгим взглядом. Она его выдержала. Илья Петрович улыбнулся. Вспомнил имя гостьи.

– Да, присаживайтесь, Людмила...

– Меня зовут Лада, Лада Бертран, – она села на край стула. Спина прямая, словно стержень внутри. Но Илье Петровичу никакой стержень не нужен. Ему нужна глина, из которой он, словно Пигмалион, создаст то, что пожелает.

– Стоп, – сказал Илья Петрович вслух. – Давайте начнём всё сначала. Вы – Лада Бертран, специалист в вопросах гидростроительства. Так?

– Так, – голос у неё совсем детский, наивный.

– Вас прислал Спиридонов? – Илья Петрович почувствовал, как нарастает раздражение.

– Иван Николаевич Спиридонов любезно попросил меня встретиться с Вами. Он сказал, что Вы – серьёзный человек, мудрый руководитель, которому нужно помочь. В чём именно?

Вопрос застал Илью Петровича врасплох. Однозначного ответа у него не было, по крайней мере сейчас.

– Я должен подумать, – сказал он, насупившись.

– Ну, друзья мои, это несерьёзно, – Лада поднялась. – Детский сад какой-то. Я еду к Вам через всю Москву, трачу своё драгоценное время и слышу то, что слышу... Извините, но я вынуждена уйти. Когда поймёте, что именно Вам нужно, звоните. Мой телефон знает Ваш секретарь, – в её голосе было столько металла, что Илья Петрович поднялся.

Виноватая улыбка скользнула по его лицу, на щеках появился румянец, как у нашкочившего малыша. Такого с ним не было лет сто. Он и забыл о том, что можно испытать чувство стыда, покраснеть. У него давно уже не было никаких чувств, кроме жажды обогащения и мании величия. Деньги затмили его разум, уничтожили всё хорошее, положительное, а отрицательное возвели в превосходную степень. Илья Петрович осознал это сейчас, глядя на Ладу.

– Пойдите, – голос его стал нежным. Это его тоже удивило. Волшебное превращение какое-то, подумал он. Да и гостя преобразилась. Она больше не пацанка, а миловидная барышня, за которой хочется приударить. Одетая со вкусом и духи... Что это за аромат, такой знакомо-незнакомый? Спрошу потом, когда станем ближе...

– Лада, давайте поужинаем сегодня, – Илья Петрович сделал несколько шагов и наткнулся на невидимую стену, через которую прозвучал её довольно резкий ответ:

– Нет, господин Моисеев, ужинать с Вами я не буду. Я вообще никогда не ужинаю. Есть хорошая поговорка: ужин отдай врагам. Советую и Вам её выполнять. Извините, время нашей встречи истекло. Десять минут разрешённого общения прошли. Прощайте.

– Какие десять минут? Что за вздор? – Илья Петрович взорвался. – Я готов беседовать с Вами до полуночи.

– Зато я к этому совершенно не готова. Моё время, в отличие от Вашего, не безгранично. Прощайте, – развернулась и ушла.

– Ушла-а-а??? – Илья Петрович сжал кулаки. Мысли огненными стрелами полетели догонять Ладу, но, наткнувшись на всё ту же невидимую стену, вернулись обратно и вонзились в сердце Ильи Петровичу. Он рванул ворот рубахи, плюхнулся в своё кресло, простонал:

– Угораздило же меня так вляпаться... – выпил стакан воды. – Винить мне теперь некого... это была моя идея... Минуточку. А зачем мне вообще кого-то винить? Я не обвинять себя должен, а благодарить. Да-да. Я должен радоваться, потому что эта пигалица встрянула меня, зажгла во мне огонь желаний, пробудила уснувшие чувства. И ведь сделала она это с лёгкостью, задав один единственный вопрос. А сколько у неё ещё вопросов в запасе? – Илья Петрович повеселел. Азарт и желание добиться цели направили его мысли в другую сторону. Вершину, которую он собрался покорить, звали Лада.

Илья Петрович нажал кнопку селектора, приказал собрать досье на госпожу Бертран и вызвать к нему Ивана Спиридонова. Срочно. Вопрос жизни и смерти. Вытер пот со лба, пробубнил:

– Последние слова были лишними. Но... они уже прозвучали, значит, сожаления прочь...

В кабинет вошёл Иван Спиридонов. По багровым пятнам на лице Ильи Петровича он понял, что готовиться нужно к самому плохому. Стал лихорадочно соображать, где именно он мог допустить оплошность, но никаких неполадок в системе найти не смог, улыбнулся.

– Привет, Петрович! Что стряслось?

– Сядь, – приказал Илья в свойственной ему властной манере. – Откуда ты её выкопал?

– Кого? – Иван опешил. Копать котлован они ещё не начинали. Значит, Илью беспокоит не створ реки, а что-то другое.



– А помнишь! – напряжение спало. Илья положил руку на плечо Ивана, голос стал мягким.

– Спасибо, что вытащил меня тогда. Спасибо, что был рядом со мной в трудную минуту.

– Я и сейчас рядом, Петрович. Никаких чёрных мыслей у меня нет и быть не может, клянусь.

– Верю, Коляныч, верю, – Илья улыбнулся. – Понимаешь, меня из равновесия кошка твоя рыжая вывела. Она маятник раскачала, разбудила забытые чувства. Я и не думал, что способен на такое, – хмыкнул. – На тебя вот набросился, как волк кровожадный на овцу. И ведь слова сказать не дал тебе. Гвоздил своими упреками. Хорошо, что твой отравленный напиток мозги мне прочистил, весы уравновесил. Я теперь могу размышлять здраво. Причины сомневаться в твоей преданности у меня нет, но... – убрал руку. – Но, почему-то червяк сомнения проник в моё подсознание. Почему, отвечай?

– Ты ответ знаешь сам. Лада тебя рассердила. Ей ты ничего сделать пока не можешь, поэтому под удар попадаю я. Ведь это я порекомендовал её тебе, как серьёзного специалиста в гидротехнике. Значит, это я стал причиной твоего срыва.

– Ты стал детонатором взрыва. Де-то-на-то-ром... Ты всегда в роли детонатора выступаешь, Ванька. Ты меня вперёд подталкиваешь, а сам в тень уходишь, прячешься за моей спиной. Ты – хороший, а я... – Илья поднялся посмотрел на Ивана свысока. В глазах ярость. Ещё миг и вцепится ему в горло мёртвой хваткой.

– Петрович, ты неуравновешенный, непредсказуемый пацан. Но именно за это я тебя люблю! – Иван поднял бокал. – За братство черноголовых!

– Хитрец ты, Коляныч, – Илья ухмыльнулся. – Ты меня всё время в прошлое тянешь. Тебе хочется, чтобы мы снова были едиными, как тогда, когда не было разделяющих нас преград, потому что мы всем миром строили чудо-град, город мечты по имени Нурек...

Блеск лепестков, улетающих вверх...

Это, как магний.

Маки горят, озаряя Нурек,

Алые маки.

Маки, как добрые маги весны

Днём и во мраке.

Что тебе спички? С собою возьми

Майские маки.

Будут сигналить тебе, как флажки,

Путь освещая.

Ты не печалься, в огне их сожги

Всё, что смущает.

Брось в их весёлый и алый пожар

Деньги и сплетни.

Маки спасут от унынья тебя

Вспышкой последней...<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Сергей Корнеев

## Нурек – Норак

Мальчики познакомились во дворе. Они столкнулись лбами, бросившись за воздушным шариком, улетевшим из рук девочки. Она не закричала, не заныла, как другие девчонки, а беззвучно заплакала. Крупные капли катились по щекам, делая глаза девочки невероятно бездонными. Рыцарский дух подтолкнул мальчишек вперёд, столкнул их лбами. Две руки схватили тонкую ниточку, задержали беглеца и вернули хозяйке. Слёзы с лица девочки исчезли. Её маленькая ладошка втиснулась между мальчишечьими. Минуту дети смотрели на большой красный шар, пляшущий на ветру, а потом разом закричали:

– Ура!

Девочка чмокнула в щёку одного, потом другого спасителя и убежала, а они остались стоять с поднятыми вверх руками, словно в них всё ещё находилась связующая нить. Ваня опомнился первым. Опустил руку.

– Привет. Меня Иваном зовут. Мой папа главный инженер. Мы здесь уже три месяца живём.

– Привет. Я Илья. Мой папа главнее твоего, потому что он директор, – заявил Илья. – Мы три дня назад приехали. Во-о-он наш дом, – Илья показал на единственное двухэтажное здание. Ваня улыбнулся.

– Вы в какой квартире живёте?

– В пятой.

– А мы в седьмой. Будем дружить, – Ваня протянул Илье руку.

Крепкое рукопожатие наполнило детские сердца радостным осознанием того, что среди высоких гор, среди гудящих машин и вечной занятости взрослых, появился островок счастья с шарами, играми и открытиями, которые им предстоит сделать. О девочке они вспомнили потом, когда увидели летящий по небу красный шар.

– Упустила, таки, ворона, – воскликнул Илья. Ваня рассмеялся.

– Почему ворона?

– Не знаю. С губ сорвалось. Папка нашу Ньюшу вороной зовёт, когда сердится.

– Ньюша – это твоя сестра?

– Нет, – Илья хмыкнул. – Я у папы с мамой одни единственный. Божеством своим они меня называют. А Ньюша – это наша домработница. Она меня воспитывает, пока папа с мамой работают.

– Или-ия, – раздался зычный женский голос. В открытое окно выглянула крупная тётка. – Или-ия, пора кушать, голубчи-ик.

– Вот, видел? – Илья скривился. – Придётся идти. Поем и выйду. Увидимся ещё.

– Увидимся, – Ваня пошёл домой, думая о том, что Илья – везунчик. У них домработница есть, а он с ключом на шее бегаёт и сам себе еду греет на плитке. Папа занят с утра до вечера. Мама тоже. Иногда она берёт его с собой на разведку геологических пород. Ваня такие вылазки обожает. Каждое утро он ждёт, что мама скажет:

– Айда с нами, Ванюша! – и он помчится следом, повизгивая от радости, а потом будет выполнять всё, что мама повелит. Она – распрекрасная повелительница, ангел светлый, любимая девочка. Так её папа зовёт, а Ваня за ним повторяет. Из его уст «любимая девочка» звучит забавно. Мама смеётся, обнимает его.

– Ванечка, я не девочка твоя, а твоя мамочка любимая. Твои ровесницы девочки-припевочки скоро приедут в Нурек, который из серого кишлака превратится в большой белоснежный город, вот увидишь. На перевале Шар-Шар появится смотровая площадка, с которой люди будут любоваться красивым городом Нурек. Будут в нём фонтаны до неба, многоэтажные зда-

ния, школы, кинотеатры, широкие проспекты и цветущие сады. А кишлак Туткаул станет дном Нурекского моря, которое появится здесь после того, как мы плотину построим.

– Гигантскую плотину, – подсказывает отец. – Поднимется она на высоту в триста метров и сравняется с горами Нор и Сандук. Склоны этих гор разные. На правом берегу травку зеленую можно увидеть только ранней весной. Жаркое летнее солнце быстро уничтожит эту красоту, оставит только выжженные пятна. А на левом склоне, где тени больше, снег долго не тает. Там растут боярышник, багряник, алыча, грецкий орех, высоченная трава, тюльпаны и алые маки.

Снег в горах тает и в реку Вахш стекает, а оттуда водичка скоро в наше рукотворное море попадёт. Дело за малым – сделать насыпь, на которую потребуется пятьдесят шесть миллионов кубометров грунта. Это ого-го сколько, Ванюша! Но мы справимся. Такого грандиозного строительства ещё ни в одной стране мира не было. А в Советском Союзе есть! Нас тут некоторые западные товарищи фантазёрами называют, говорят, что мы ни за что с задачей своей не справимся. А мы им заявляем гордо: «Справимся! Нурекскую ГЭС вся страна строит.» И это правда, сынок. Стройка наша объявлена комсомольско-молодёжной, вот и едут на Вахш из разных уголков нашей большой страны комсомольцы – беспокойные сердца.

– Скоро здесь всё-всё изменится до неузнаваемости, Ванюша, – продолжает мама.

Ваня верит родителям. С открытым ртом слушает их. Голос у мамы нежный, напевный, ублаживающий, а у отца голос громкий, богатырский, авторитетный. Про то, что у отца авторитетный голос мама сказала. Ване это слово понравилось. Он его сразу запомнил. А потом ему пришлось запоминать ещё сотню новых слов и на русском, и на таджикском языке.

– По-таджикски Нурек – Норак – огонёк, луч света. Воду они называют – об и считают её владычицей, царицей. Ей поклоняются люди, звери и растения. Без воды в этих местах нет жизни. Летом во время зноя всё засыхает, цветущая земля превращается в пустыню. Наполнить её может только река Вахш – дарёи Вахш. Река эта начинается в поднебесье и стремительно мчится к югу. Вахш бушует в горных теснинах, таких как наше Пулисангинское ущелье, а вырвавшись в долину, умиряет свой непокорный нрав. Вода в реке прозрачно-бирюзовая, ледяная. Если один глоток сделаешь, до ста лет проживёшь. Вечную силу и молодость даёт Вахш, да не всем он покоряется. Гремит, шумит, перекачивая по дну сотни камней. Зажат Вахш с обеих сторон мощными хребтами, которые напоминают двух огромных рыб, выброшенных на берег, – это мама сказку рассказывает. А следом за ней отец всё по полочкам раскладывает, соединяет сказку с былью:

– Река Вахш бурная, стремительная, своенравная, бездонная. Рождается она из ледников Памира на высоте более трёх тысяч метров над уровнем моря и зовётся Кызылсу – красная вода. Такой оттенок воде придаёт почва, в которой много железа. Прихватив с собой землю, река бежит вниз с горы, где вскоре соединяется с речкой Муксу и получает новое имя Сурхоб, что опять-таки значит красная вода. Бежит Сурхоб дальше к югу и встречает чистую, светлую речку Обинхоу. От их слияния и образуется наш бешеный, бездонный Вахш, о котором сложено много песен. Вот, послушай:

В зелёной долине живёт Абигейль.  
Прекрасны в долине март и апрель,  
Когда разливается Вахш полноводный.  
Вершины Памира от снега свободны.  
Поёт Абигейль о храбром Айгуне,  
Который примчится в долину в июне.  
Горный хребет одолеет скакун.  
В жёны возьмёт Абигейль наш Айгун.  
По Вахшскому морю на белой ладье

Они поплывут навстречу судьбе.  
В узком ущелье Пулисангин  
Родится на свет их единственный сын.

Сурхобом с любовью его назовут.  
Нрав мальчика будет особенно крут.  
В долину прекрасную он устремится  
Красною станет Сурхоба водица  
От силы железа, сокрытого в недрах.  
Свой нрав усмирят он и бег свой замедлит,  
Когда повстречает в пути Обинхоу.  
Светлыми чувствами свяжутся оба  
И назовутся Вахшем однажды.  
Живою водой, утоляющей жажду...  
В долине весною сады зацветут.  
Новую песню люди споют  
О том, как важно Землю любить  
И Божий Огонь в своих душах хранить.

Про Божий Огонь Ваня не совсем понял. Хотел спросить, но мама опередила, первой вопрос задала.

– Как думаешь, Ванюша, что находится за Вахшским хребтом, мимо которого река течёт направо?

– За хребтом... – Ваня призадумался. – Сказка, наверное...

– Там тоже Вахш, Ванюша, – сказал отец. – Только течёт он за хребтом налево, а возле кишлака Туткаул Вахш делает резкую петлю и снова течёт направо. Такую фантастическую спираль закрутили здесь горы. Место это люди называли Пули-сангин. Сама природа подсказала, что здесь нужно строить плотину, которая будет давать республике Таджикистан дешёвое электричество. Скоро лампочки Ильича засветятся во всех кишлаках.

Ваня посмотрел на лампочку, висящую в комнате, улыбнулся. Папа из газеты абажур сделал, чтобы она не так ярко светила. Спросил:

– А разве в кишлаках нет света?

– Во многих кишлаках света ещё нет, сынок. До Октябрьской революции в Таджикистане даже керосиновая лампа считалась роскошью. Единственная дизельная электростанция в те далёкие годы была только в Ходженте. Маленькая электростанция давала свет для той части города, где жили царские чиновники и находились разные службы. Остальная часть города с наступлением сумерек погружалась в непроглядную тьму. Так бы всё и продолжалось, если бы после 1917 года не началась всеобщая электрификация страны.

По приказу Владимира Ильича Ленина почти на всех крупных реках страны стали строить гидроэлектростанции. Добрались и до Таджикистана. Рек здесь много. Все они стремительные, полноводные. Для гидростроителей это – настоящий подарок. Чем больше воды, тем более мощную ГЭС можно построить. На реке Варзоб уже три электростанции построили. На реке Сырдарье возвели Кайраккумскую ГЭС.

– Смешная какая река, Сыр-Дарья, – Ваня представил сырную реку и тётушку Дарью, которая всё на свете знает. Развеселился, рассмеялся. Папа посмеялся вместе с ним, а потом продолжил.

– Наш Вахш впереди других рек. Здесь планируется построить каскад гидроэлектростанций. Три уже есть – Перепадная, Центральная и Головная. Теперь мы за Нурекскую ГЭС взялись. Она станет одной из крупнейших в Советском Союзе и превзойдёт по мощности самые

большие мировые гидроэлектростанции. Правда, немного уступит по мощности нашим сибирским ГЭС Братской и Красноярской. Но зато по высоте наш Нурек будет самым-самым непревзойдённым. Мы, Ванюша, взялись за такое дело, которое до нас ещё никто не начинал. Можно смело сказать, что мы – первопроходцы! Первым быть всегда непросто. Это очень-очень ответственно, сынок...

Всё же сбываются сказки,  
Скалы сдвигают люди.  
И безо всякой опаски  
Горы с пустынями будят...<sup>2</sup>

Ваня взял батон, отломил большой кусок, намазал маслом, посыпал сахаром, откусил. Подошёл к окну, подумал о том, что слова родителей начинают сбываться. Дети в посёлок приезжают, а значит будут и фонтаны с клумбами, и море широкое-преширокое. Не зря же папа плотину строит. Порой среди ночи встанет и чертит, чертит что-то. Ваня за ним из-под одеяла подсматривает. Гордится, что у него такой папа, умный и самый главный на этой стройке.

А когда сегодня Илья сказал, что его папа главнее, Ваня обиделся, но вида не подал. Решил, что время всё по местам расставит. Илья сам ничего ещё толком не знает, просто повторяет то, что взрослые говорят. Девочку вороной назвал. А она больше на стрекозу похожа. Глаза большие-большие, бантики как крылышки и платье цветастое. Интересно, где она живёт? Ваня доел хлеб, запил водой, пошёл на улицу. Илья его уже поджидал, обрадовался. Вместе мир познавать интереснее.

Мальчишки взялись за руки и отправились на поиски приключений, которые не заставили себя ждать. В нескольких метрах от дома выползла на дорогу громадная змея. Дети остолбенели. Что делать? Взрослые не сказали им, как вести себя в подобных ситуациях. Интуиция подсказала мальчишкам бежать в разные стороны, спастись. Возле длинного одноэтажного дома они остановились, перевели дух.

– Да-а-а, уж. Видал, какого гиганта мы с тобой встретили, – Ваня вытер пот со лба.

– Ты думаешь, это был уж? – Илья с подозрением посмотрел на Ваню.

– Не-е-т, – тот рассмеялся. – Ужи в горах не водятся. Это, наверное, гадюка какая-то была.

– Га-а-дюка? – взвизгнул кто-то рядом. Мальчишки обернулись и увидели ту самую девочку, благодаря которой они познакомились.

– Это судьба, – сказал Илья. Ваня поддакнул. Девочка улыбнулась.

– Привет! Меня зовут Ангелина Лаврова.

– Имя у тебя ангельское: Анге-лина. А я Ваня Спиридонов. Привет!

– Фамилия у тебя кулинарная, Лаврушка, – хмыкнул Илья. – Привет! Я – Илья Моисеев.

– Почему ты сказал, что я – Лаврушка? – Ангелина насупилась. – Папа говорит, что наша фамилия старинная от лаврового венца происходит.

– Может она и происходит от венца-бубенца, но мы с царями-королями покончили, поэтому лаврушку теперь в суп кладём и радуемся, – блеснул своими знаниями Илья. Ангелина улыбнулась, махнула рукой:

– Ладно, пусть будет Лаврушка. Моя мама говорит: «Зовите хоть горшком, только в печку не ставьте».

– В печку мы тебя ставить не будем, не волнуйся, – пообещал Илья.

– А кто твоя мама? – спросил Ваня.

– Моя мама – журналист, – ответила Ангелина с гордостью.

---

<sup>2</sup> Боки Рахим-Заде

– Журналист? – Илья скривился. – Этого нам ещё не хватало...

– Журналист – это хорошая профессия, – сказала Ангелина. – Мама очерки разные пишет. Её в Москве многие знают и здесь тоже знают... Нас на вокзале мамин начальник встречал...

– Не хвастайся, – прервал её Илья. – Лавровый венок тебе ещё никто не дал. А мама твоя пусть пишет. Может и про нас очерк напишет...

– Напишет, обязательно. Я ей расскажу, что у меня появились друзья Моисей и Спиридон, – пообещала Ангелина.

– Отлично, – Илья протянул ей руку ладонью вверх. Ангелина положила на неё свою ладошку, Ванина рука оказалась сверху. Илья тут же перевернул руки и громко воскликнул:

– С этого дня за нами закрепляются прозвища: Лаврушка, Моисей и Спиридон. Неразлучная тройца, искатели приключений, фантазёры. Ура!!!

Пока взрослые решали серьёзные вопросы, перекрывали реку, готовились к пуску ГЭС, дети постигали законы жизни. Учёба в школе отвлекала их от походов, сдерживала стремительный поток фантазий, словно поднимающаяся всё выше и выше насыпная Нурекская плотина...

## Вода и жизнь

В краю горячего солнца и редких колодцев слова «вода» и «жизнь» были равнозначными. Жители Азии издавна поклонялись царице Воде. Они знали, если землю напоить, она даст щедрый урожай. Но чтобы подать воду из горных рек на поля, нужно повернуть их в другую сторону. Только где найти смельчака, который отважится потягаться с такой могучей, бешеной рекой, как Вахш? Не родился ещё на свет второй Фархад, о котором бы люди сложили легенду.

В стародавние времена в прекрасной долине, принадлежавшей мудрой и доброй княжне Замин, жил храбрый юноша по имени Фрахад. Люди во владениях княжны были добрыми и счастливыми. Они ни в чём не испытывали недостатка. Протекавшая по долине широкая полноводная река поила землю живой водой. Земля давала богатые урожаи по три раза в год. По берегам реки зеленели поля, цвели сады, звонко пели птицы. Склоны гор украшали маки, тюльпаны, бело-розовый миндаль. Вода в реке всегда была прохладной и такой прозрачной, что дети без труда ловили руками рыбу. Лица людей всегда озаряли улыбки. Не знали они забот и печалей. Смеялись, пели, танцевали, устраивали шумные, весёлые праздники в честь царицы Воды.

Но однажды всё изменилось. Полноводная река исчезла. По какой-то странной причине она повернула своё русло и потекла к другим землям, оставив владения княжны Замин без живительной влаги. Земля покрылась язвами-трещинами, похожими на серые гигантские кружева. Солнце выжгло всё живое. Жёлто-серый цвет стал единственным цветом долины. Заплакали люди. Они знали, если умрёт земля, то и они вместе с нею погибнут.

– Не плачьте, – сказала княжна Замин. – Объявите всем вокруг, что я выйду замуж за того, кто уговорит нашу прекрасную реку вернуться обратно.

Смелый юноша Фархад вышел вперёд и сказал:

– Я возьмусь за это дело. Я прокапаю в горах канал и уговорю нашу реку вернуться обратно.

– Работа эта трудная, на много лет растянется, – сказала княжна. – Не отступишься ли ты от своего намерения? Подумай хорошенько, смелый юноша.

– Я не отступлюсь, – заявил Фархад и взялся за дело.

Старый купец Урузбай, наблюдавший за юношей, усмехнулся:

– Пока ты будешь уговаривать строптивую реку вернуться обратно, я придумаю более верный и быстрый способ овладения рукой княжны.

Урузбай приказал привезти из Бухары сотни тюков с синей тканью. Трое суток его верные слуги расстлали ткань вдоль дороги ко дворцу княжны. На четвёртую ночь Урузбай подкупил одну из служанок Замин, и она громко закричала:

– Княжна, выйди скорее на балкон и посмотри: река течёт у подножья горы, на которой стоит твой дворец. Богатый, мудрый Урузбай из-за любви к тебе совершил чудо! Княжна, ты обещала стать женой того, кто обуздает нашу вероломную реку и вернёт её обратно к твоим владениям. Свадебный пир готов. Урузбай ждёт награду.

Вышла Замин на балкон и ахнула: река течёт по долине, сверкая и искрясь, как прежде. Невдомёк было княжне, что это вовсе не река, а ткань, которая при свете луны сверкает и искрится, словно вода. Обрадовалась Замин и в ту же ночь стала женой Урузбая. А утром её и жителей долины ждало горькое разочарование. Река превратилась в кучу тряпок, которые при свете солнца отсвечивали ржавчиной...

Заплакали люди ещё сильнее. Но Замин успокоила их:

– Смелый Фархад непременно уговорит реку вернуться. Запаситесь терпением и не верьте лживым словам...

К сожалению, люди забыли про завет княжны. Много разных лживых обещаний слышал в прошлом таджикский народ, но не получили люди ничего кроме каменного моста, который построил эмир Бухарский за двадцать лет своего господства. А вода ни в один кишлак так и не пришла. Декханам приходилось за большие деньги покупать её у мирабов и ждать обещанного чуда. И оно свершилось!

После Великой Октябрьской революции по заданию Владимира Ильича Ленина в 1920 году был разработан первый единый государственный перспективный план развития народного хозяйства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики – ГОЭЛРО. Главным для страны Советов стал лозунг: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Началось строительство малых и больших гидроэлектростанций, железных и автомобильных дорог. Народы Средней Азии пробудились ото сна, освободились от рабства, женщины сбросили паранджу, открыли свои лица.

Но Гражданская война продолжалась здесь довольно долго. Банды басмачей не желали никому отдавать свою безграничную власть. Они прятались в горных ущельях и подговаривали бедняков всячески вредить красноармейцам.

– Советская власть хочет отнять у вас землю и хлопок. Не верьте им. Они, как хитрый Урузбай, расстилают перед вами грязное тряпье, чтобы лишить вас последней надежды.

Декхане верили басмачам и нападали на красноармейцев даже тогда, когда те строили для них глинобитные дома, приносили воду, помогали растить урожай. Лишь в 1929 году, когда первая крошечная гидроэлектростанция неподалёку от Путовского моста через реку Душанбинку, дала ток, таджики призадумались. Вспомнили они смелого Фархада из легенды и стали помогать советской власти.

Только в кишлаке Нурек никак не могли покончить с бандами басмачей. Люди, попавшие сюда, восклицали: «О, Аллах, зачем ты создал Ад на небе, если на земле есть Нурек?» Мазанки с плоскими земляными крышами, отсутствие растительности, выжженная земля, изнуряющий летний зной, промозглый зимний ветер, делали это место зловещим.

Басмачи облюбовали Нурек из-за того, что когда-то здесь пролегал караванный путь, по которому богатые купцы везли свои товары в Персию и обратно. Золото лежало под ногами. Басмачи его искали, а регулярные части рабоче-крестьянской Красной Армии и местной милиции им мешали. Но не могли они установить в Таджикистане новую власть до тех пор, пока главарь басмачей Ибрагим-бек был на свободе. Он смел, хитёр, изворотлив, легко уходил из любых надёжных ловушек и неожиданно появлялся там, где его меньше всего ждали. Местные аксакалы знали, что гоняться за Ибрагим-беком всё равно, что ловить ветер в поле. Красноармейцы решили рискнуть. Устроили ловушку в Нуреке, разобрали в Пулисангинском ущелье шестиметровый бревенчатый мост – единственную переправу через реку Вахш. Но поймать главаря басмачей не смогли. Ибрагим-бек на своём коне перескочил через пропасть и умчался в горы. Невдомёк было красноармейцам, что когда-то в этом месте берега Вахша соединяла естественная каменная арка, которую разрушило сильное землетрясение. Вместо арки появилось узкое горловидное ущелье шириной чуть больше двух метров, в котором кипела и бесновалась река, зажата серыми горными утёсами. Для такого смельчака, как Ибрагим-бек, ущелье не было преградой. Главарь басмачей прекрасно знал эти места и ушёл от красноармейцев. Поняв, что новая власть житья ему не даст, он больше никогда в Нуреке не появлялся...

Зато сюда пришли исследователи. В начале тридцатых годов, когда всерьёз заговорили о строительстве плотины в Пулисангинском ущелье, небольшая экспедиция советских инженеров-энтузиастов, исследуя берега Вахша, обратила внимание на то, что ущелье напоминает узкое горлышко кувшина. Река здесь разворачивается и мощным потоком устремляется вертикально вниз на глубину более сорока метров. Вырвавшись из горловины, поток успокаивается и неспешно бежит дальше по дну долины, окружённой горами. Перепады реки прекрасно подходят для строительства большой гидроэлектростанции.

Вслед за исследователями сюда в 1938 году прибыли изыскатели, но проведению работ помешала внезапно начавшаяся война. Ранним утром в воскресенье, 22 июня 1941 года, нацистская Германия и её союзники обрушили на советскую страну военный удар невиданной силы. События разворачивались драматически. С первых дней, используя фактор неожиданности, пятимиллионная германская армия на основных направлениях в три, а то и в четыре раза превосходившая советские войска, быстро продвигалась вперёд.

В течение нескольких недель немецко-фашистские войска захватили территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, Украины, почти всю Белоруссию и Молдавию, часть территории РСФСР, вышли к Смоленску и Киеву. В сентябре 1941 года началась девятисотдневная блокада Ленинграда и массированное наступление на Москву.

Битва за Москву стала первым крупным сражением, в ходе которого были разбиты нацистские войска. В ней с обеих сторон участвовало три миллиона человек. Битва продолжалась с 30 сентября 1941 по 20 апреля 1942 года. В результате советские войска отбросили противника на триста пятьдесят километров от Москвы, но стратегическая инициатива всё ещё продолжала оставаться за Германией.

Решающее значение сыграла Сталинградская битва, которая продолжалась с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 года. С обеих сторон в ней участвовало свыше двух миллионов человек. В результате была окружена и разгромлена группировка немецко-фашистских войск численностью триста тридцать тысяч человек. Восемьдесят тысяч солдат и офицеров вместе с командующим фельдмаршалом фон Паулюсом попали в плен. Потери армии Германии и её союзников в ходе Сталинградской битвы превысили восемьсот тысяч человек, две тысячи танков, три тысячи самолетов, десять тысяч орудий. Сталинградская битва положила начало коренному перелому в войне, а завершила этот перелом Курская битва, длившаяся с 5 июля по 23 августа 1943 года. В ней с обеих сторон участвовало более четырёх миллионов человек, тринадцать тысяч танков, более двенадцати тысяч самолетов. Советская армия выиграла это сражение, освободила Левобережную Украину, форсировала Днепр и в ноябре 1943 года взяла Киев. Зимой 1944-го советские войска разгромили оккупантов под Ленинградом и на Правобережной Украине, а в марте вступили на территорию Румынии. В мае был освобождён Крым. С 23 июня по 29 августа 1944 года в Белоруссии прошла крупнейшая наступательная операция «Багратион», в которой участвовали войска четырех советских фронтов численностью более двух миллионов человек. Белорусская операция способствовала открытию Второго фронта.

6 июня 1944 года англо-американские войска в составе пятнадцати дивизий прорвали оборону немцев и начали освобождение Франции. В августе 1944 года был освобожден Париж. Нацистский блок распался. Гитлеровские войска были изгнаны из Италии и Бельгии. Румыния, Болгария, Финляндия и Венгрия вышли из войны. Советские войска вместе с Народно-освободительной армией Югославии вошли в Белград.

В январе 1945 года они провели Висло-Одерскую операцию, завершили освобождение Польши и вышли на подступы к Берлину. В апреле началось решающее наступление на Берлин. Операция длилась двадцать три дня. Советские войска разгромили берлинскую группировку войск и 2 мая штурмом взяли Берлин. Но территория Чехословакии ещё оставалась в руках нацистов. Последним боем перед Победой стало освобождение Праги от немецких военных группировок. Пражская наступательная операция завершилась 9 мая. Германское командование капитулировало, Великая Отечественная Война победоносно завершилась.

Однако военные действия ещё продолжались. Выполняя союзнические обязательства, а также в целях обеспечения безопасности своих дальневосточных границ, СССР в ночь на 9 августа 1945 года вступил в войну против Японии. Наступление Красной Армии, атомные бомбардировки авиацией США японских городов Хиросимы 6 августа и Нагасаки 9 августа, вынудили японское правительство признать своё окончательное поражение. 2 сентября 1945 года Япония подписала Акт о капитуляции, и Вторая мировая война закончилась. Она

унесла жизни более двадцати миллионов советских людей. Народное хозяйство было полностью разрушено, и его нужно было срочно восстанавливать.

Про Нурек вспомнили в 1957 году. Изыскатели снова приехали в Пулисангинское ущелье. Среди них было много скептиков, которые заявляли, что не хватит сил и опыта для того, чтобы построить большую плотину в местности, где землетрясения силой в десять баллов – нормальное явление. Кроме того, Нурек от ближайшей железной дороги отделяет труднодоступный горный перевал, высотой в полторы тысячи метров. И никто не может чётко ответить на вопрос: что принесёт Таджикистану эта стройка?

Учёные ломали копья, сидя в кабинетах, ждали постановления правительства о строительстве Нурекской ГЭС, а в Нурек уже потянулись первые строители. Сначала их было десять, потом пятьдесят, потом сотни. В декабре 1960 и январе 1961 года они шумно съезжались в сонный азиатский кишлак. Первыми прибыли ветераны среднеазиатскихстроек, те, кто прокладывал трассу Каракумского канала в песках Туркмении и те, кто строил Перепадную и Головную ГЭС в Таджикистане под руководством Семёна Константиновича Калижнюка. Знали люди, если Калижнюк взялся за Вахш, значит дело будет. Его считали непревзойдённым первопроходцем.

Семён Константинович в совершенстве владел искусством начинать строительство гидротехнических объектов. Он умел строить и вести за собой людей, без которых даже самый лучший замысел так и останется на бумаге.

Калижнюк теоретически обосновал необходимость Вахшского каскада, сказал, что щедрая природа создала благоприятные условия для сооружения высотных плотин в Таджикистане: глубокие каньоны, в которых протекают реки, большие перепады воды, малая площадь затопляемых территорий при создании водохранилищ – важные отправные точки для начала строительства.

Калижнюк не сомневался, что энергетическое освоение Вахша – это только начало. Он знал, что в скором времени на Вахше появится шесть крупных электростанций. Но Нурекская ГЭС будет главной, основной. После её введения в строй, республика получит дешёвую электроэнергию и новые рабочие места, будут решены проблемы воды на сотнях тысяч гектаров земли. Воду поднимут на высокогорные плато с помощью насосов, которые получают энергию от Нурекской ГЭС.

Понимал Калижнюк, что людей на строительстве такого гиганта одними заработками не удержать. В краю, где весеннее буйство красок быстро сменяется испепеляющим зноем, а осенью и зимой ледяные вихри с гулом и свистом носятся по ущелью, где вода мутная, а жизнь неудобная, нужна высокая идея, сильная только титанам. И такая идея нашлась. На призыв: «создать в аду Нурека рай для будущих поколений», откликнулась вся страна.

Каждый день в Нурек приезжали новые строители из разных уголков Советского Союза, а жилья для них не было. Приходилось ютиться в кибитках у местных таджиков, в наспех слепленных бараках, в юртах и палатках. Тогда люди всех специальностей и профессий взялись за строительство домов.

Когда выстроили первый четырёхэтажный дом на будущей главной улице города – Ленинском проспекте, на торцевой его стене студенты-практиканты из Московского института имени Сурикова вырезали шагающего человека, позади которого высятся линии электропередач, а внизу написаны слова Владимира Маяковского: «Я знаю – город будет. Я знаю – саду цвести!» В бывшем здании «Загот-зерно» сделали маленький кинотеатр, где фильмы показывали по частям, чтобы все желающие смогли их посмотреть. Город энергетиков строился быстро, но жилья всё равно не хватало, общежития были переполнены, но это людей не смущало. На керосинках варили гречневую кашу, домой приходили только ночевать. Дух романтики, дух юности властвовал на стройке.

...Я Сибирь родную для тебя покинул  
И в Нурек уехал раннею весной.  
Пробивать туннели, возводить плотину,  
Напоить долину вахшскою водой.<sup>3</sup>

Пока строился город, на створе будущей плотины в Пулисангинском ущелье проходчики штурмовали горы. Они – народ прямой и дерзкий, трудились под палящими лучами солнца, вместо узких тропок вырубали в горах широкие дороги и рубили правду с плеча, как скалу, зло, настойчиво. В первые месяцы строительства они проходили в среднем двадцать, тридцать метров, постепенно увеличивая норму выработки в несколько раз. С каждым днём техники становилось всё больше и больше. Местные жители заворуженно смотрели на мощные самосвалы и бульдозеры, трогали их, заглядывали внутрь, о чём-то размышляли, а потом просились на работу. Калижнюк охотно принимал местных, знал, что таджик никуда с родной земли не уйдёт. Он будет строить и другие ГЭС на Вахше, если начнёт с самой уникальной насыпной Нурекской плотины, высота которой достигнет триста метров. Здесь будут установлены малогабаритные гидроагрегаты мощностью в триста тысяч киловатт каждый. Впервые будут пробиты в толще гор искусственные русла огромного сечения. Придётся решать множество неожиданных и самых сложных задач. Поэтому каждый человек станет здесь главным.

Быть Нуреку или нет зависит не только от решения Партии и Правительства, но и от энтузиазма строителей. В этом не сомневались комсомольцы. Пока в Москве шли дебаты о судьбе стройки, на вершине горы они выложили металлическими буквами надпись: «Нурек будет!» Комсомольцы верили, что первые агрегаты гидроэлектростанции будут введены в строй через четыре года после начала строительства, в 1965 году.

Но... наступил 1962 год. Сделано на стройке было мало. Даже самые горячие оптимисты приуныли. Тоннели не пройдены и наполовину, темпы работ отстают от намеченных. Трудно сказать, сколько лет понадобится на строительство ГЭС. Не лучше ли отправиться на более перспективные маленькие стройки на Волге или на Северном Кавказе, или на крайний случай на строительство дорог на Урале – прибыльно и быстро. Народ потянулся из Нурека...

Молодые инженеры собирались в путь потихоньку, в тайне от товарищей. Были среди них такие, кто приносил справки от врача, что здешний климат противопоказан для их здоровья. Но честно сказать о причине своего бегства никто из молодых не решался. Те, кто громче всех ругал дезертиров, в последствии становились в их ряды. Уезжали и забывали о Нуреке, как о страшном сне.

Обо всём этом слышал маленький Ваня, когда родители негромко разговаривали на кухне. Их слова отпечатывались в сознании мальчика, складывались в кирпичики знаний, создавали архив памяти, необходимый для будущего.

– Бежит молодёжь из Нурека. Из десяти молодых специалистов только четверо осталось. Горько мне от этого.

– Что поделаешь, Коля, Нурек – город контрастов. Если жара, так тело плавится. Если дождь, то ливень проливной, землю смывает. Если ветер, то на ногах не устоять. Вот молодёжь и не может устоять. Пусть едут. Мы без них справимся.

– Справимся, милая. Но было бы лучше без потерь обойтись. Мы с тобой видим, как Семён Константинович изо всех сил старается отстоять стройку, как пытается сломать бюрократическую машину. Но не всё ему удаётся. Наверху тормозят наше дело, денег не дают, проверяют людей на выносливость, словно мы эту гидроэлектростанцию мирового класса для своих личных целей построить решили. Калижнюк на грани срыва. Боюсь, не выдержит...

---

<sup>3</sup> Виктор Крашенинников

Слова отца стали пророческими. Колоссальное, нечеловеческое напряжение свалило сильного человека. Никогда не жалевший себя Семён Константинович, умер от инсульта, мчась в «газике» по московским улицам решать нурекские дела. Он так и не увидел единственную в мире самую гигантскую рукотворную плотину, к которой ведёт одна из главных улиц, носящая теперь имя Калижнюка.

Вопрос: «быть или не быть Нуреку» в те годы не был решён. В Госплане СССР всё ещё не могли понять, настало время полной мерой вкладывать сотни миллионов рублей в Вахшский энергогигант, или эти деньги быстрее окупятся на Севере или Дальнем Востоке. Новый начальник строительства Константин Владимирович Северанд сделал всё возможное, чтобы доказать, что Нурек уже есть, что его нельзя списывать со счетов. Затраты на строительство можно сократить, если сделать главную часть плотины каменно-набросной из галечника, которого вокруг стройки много. А ядро плотины нужно возвести из более прочного и легко доступного саверфобского суглинка. Перекрывать Вахш Северанд предложил мощным взрывом – самым экономичным и быстрым способом. Его поддержал первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Джабар Расулович Расулов. Лозунг «Строительство Нурекской ГЭС – дело таджикского народа!» вывел стройку на новый уровень. Люди осознали, что нельзя стоять в стороне, когда судьба большого дела может стать их личной судьбой. Вчерашние животноводы, садоводы, табаководы и пастухи стали учиться на каменщиков, штукатуров, взрывников, проходчиков, водителей, крановщиков, механизаторов широкого профиля. За парты сели более трёхсот человек.

Памирские отроги, бушует Вахш река.  
Сюда вели дороги друзей издалека.  
Строитель и гидролог прошли немало рек,  
Но каждому стал дорог теперь его Нурек.<sup>4</sup>

Много позже Ваня узнал о том, что первый начальник строительства Семён Константинович Калижнюк родился в 1900 году. Был он невысоким, коренастым, с холодно-серыми глазами и довольно резким характером, который скрывал огромную личную ответственность руководителя за судьбу необычной стройки. Калижнюк не терпел лодырей и карьеристов, обходился с ними строго. Но именно за эту строгость и принципиальность его ценили. Природа наградила Калижнюка прозорливостью и неиссякаемой энергией. Отпусков он не любил, не понимал, как можно отдыхать, когда столько важного ещё не сделано. Каждая стройка для Семёна Константиновича была самой интересной и каждый новый день – самым ответственным.

Жизнь Калижнюка была непростой. Он – сын батрака – с пятилетнего возраста пас скот у графа. Ещё до революции приобщился к пролетарским массам. Подростком работал в Ровенских железнодорожных мастерских. В Гражданскую войну сражался в отряде красного командира Пархоменко, потом в первой конной армии Буденного, дрался с белополяками, врангельцами и махновскими бандами. В двадцать лет попал в Среднюю Азию, где боролся с басмачеством. Окончил курсы красных командиров в Петрограде, стал комиссаром, работал с боевыми лётчиками, захотел летать сам. Сдал на отлично вступительные экзамены в Академию имени Жуковского, но был комиссован по здоровью. И тогда началось его приобщение к гидростроительству. В двадцать девять лет Калижнюк уже был начальником строительства Саванского канала в Узбекистане, в тридцать – Дальверзинского канала в Таджикистане, в тридцать три заместителем начальника участка на строительстве каналов в Вахшской долине. А в 1937 году Семён Константинович попал в застенки НКВД по делу Толстопятова. Его обвиняли в разведдеятельности, в связи с зарубежьем и в пособничестве архимандриту Александру

---

<sup>4</sup> В. Пучков – монтажник.

Толстопятову, который много раз посещал скиты отшельников в горах Средней Азии. В миру архимандрит носил имя Анатолий Михайлович Толстопятов.

Он был выдающимся человеком, морским офицером, капитаном второго ранга. За отличную усердную службу и труды был награжден орденом святой Анны II степени и медалями. Во время Первой мировой войны Толстопятов проходил службу флагманским артиллерийским офицером в штабе командующего учебным отрядом Морского корпуса Его Императорского Величества наследника цесаревича.

По окончании военных действий Анатолий Михайлович прекратил свою строевую службу во флоте и занялся наукой. Его книги «Военно-морской словарь», «Литографические записки по физике», «Курс такелажных работ» стали учебниками в Морском корпусе и мореходных училищах. Кроме них Толстопятов представил Морскому ведомству два своих изобретения: «минный предохранитель» и «компенсационный аппарат для спуска шпонок». Известность ученого росла с каждым днем. Преподавательская общественность столицы отмечала широкий научный кругозор и педагогические способности Толстопятова. Но самого Анатолия Михайловича занимало другое. Следуя давнему решению послужить Богу и посвятить Ему всю свою жизнь, Толстопятов поступил в Петроградский Богословский институт, который окончил в 1920 году со степенью кандидата богословия, принял священство и новое имя отец Анатолий. Но свою преподавательскую деятельность в Училище командного состава он не оставил. Толстопятов обучал физике, механике и высшей математике будущих моряков советского флота до тех пор, пока ему не пришлось встать на защиту церковных святынь, которые были объявлены достоянием республики и подлежали экспроприации. За оказание сопротивления комиссии при изъятии церковных ценностей и возбуждение прихожан против законных действий власти Толстопятова осудили на три года лишения свободы со строгой изоляцией. Местом заключения отца Анатолия стала Петроградская тюрьма. Потом были Соловки, Пермь, Нижний Новгород, Алма-Атинские горы.

Отец Анатолий не роптал. Его выдержка и смирение удивляли стражей порядка. Узнику везде давали лестные характеристики: «Анатолий Михайлович Толстопятов владеет отличным техническим образованием, которое применяет к делу строительства дорог. Порученную работу выполняет добросовестно. По характеру спокоен, застенчив, трудолюбив и дисциплинирован. Поведение хорошее».

В Алма-Ате Толстопятов не раз совершал путешествия в горы, посещал тайные скиты, беседовал с местными пустынниками, мечтал остаться в горах и вести уединённый образ жизни. Но чекисты усмотрели в его действиях другой смысл. Монахов-пустынников обвинили в разведдеятельности и связи с зарубежьем. Отца Анатолия арестовали. Мудрость и твердость его ответов обезоружила чекистов, завела следствие в тупик, спасла жизнь многим монахам. Дело закрыли. Толстопятова освободили весной 1939 года, а всех, проходивших по его делу, осенью. Среди них был и Калижнюк.

Следователь вызвал его к себе, выдал документы и назвал адрес, по которому бывший заключённый Калижнюк должен будет явиться для назначения на работу. Оказалось, что Семёна Константиновича освободили по приказу Лаврентия Берии, который вспомнил про талантливого молодого инженера, лично представил его Иосифу Сталину и предложил назначить Калижнюка мастером на строительство Каттакурганского водохранилища в Узбекистане. Сталин кандидатуру одобрил, определил чёткие сроки, но... Завершить строительство помешала Великая Отечественная война.

Калижнюк ушёл на фронт, воевал на передовой. В 1943 году в отряде немногих избранных он охранял Тегеранскую конференцию лидеров трёх стран-союзников: Великобритании, США, СССР. В 1944 году, когда наиболее ценных специалистов стали отзывать с фронта для восстановления разрушенного хозяйства страны, вернулся домой и Калижнюк.

Началась череда его больших назначений в гидростроительстве. Но долго задерживаться на одной стройке не получалось. Только наладит Калижнюк дело, сколотит коллектив, приходит приказ о его переводе в другое место, где всё нужно начинать с нуля. Зная об этом, Семён Константинович всегда держал наготове тревожный чемоданчик, не обременял себя лишними вещами. Длинное кожаное пальто и сапоги были главным его достоянием. В таком виде он явился на приём к Сталину в 1951 году. В ту пору Калижнюк был директором Иркутской ГЭС и прилетел в Москву на личном самолёте ЛИИ-2. Вместе с ним в кабинет Сталина были приглашены ещё несколько инженеров-гидростроителей, вид у которых был не лучше. Придирчиво оглядев вошедших, Сталин спросил Берию:

– Лаврентий, что у нас начальники ведущих строек мало получают?

– Три тысячи рублей, Иосиф Виссарионович.

– Я присваиваю каждому из них звание генерал-директора третьего ранга и назначаю персональный оклад в шесть тысяч рублей. Каждый из них получает новое назначение. Калижнюк поедет на строительство Каракумского канала в Туркмению.

Но и эту стройку Семёну Константиновичу не дали завершить. После введения в строй первой очереди Каракумского канала, в начале 1961 года Калижнюк отправился в Таджикистан на строительство Нурекской ГЭС. Советский Союз заявил, что в Пулисангинском ущелье будет возводиться плотина высотой в триста метров из материалов, имеющихся в районе Нурека и близлежащего месторождения – сая Саверфоб.

Стройка на Вахше привлекала внимание зарубежной прессы дерзостью и решимостью советских инженеров. В реализацию их замысла никто не верил. Зарубежные гидротехники высказывали самые мрачные прогнозы. Говорили о том, что земляные плотины и дамбы строились по всему миру с незапамятных времён, но высота их редко переваливала за сто метров. Гигантами считались плотина Макио в Японии высотой в сто шесть метров, плотина Сер-Понсон во Франции высотой в сто тридцать метров, а самой высокой называли плотину Орвилл в США, которая поднялась на отметку двести двадцать четыре метра. СССР решил установить новый мировой рекорд. Неслыханная дерзость. В зарубежной прессе началась шумиха. Американский инженер Людвелл Гордон заявил:

– Я видел золотоискателей Калифорнии. Я беседовал с Гербертом Уэльсом – увлекательнейшим романтиком своего времени. У них, друзья мои, смелые мысли. Но то, что задумано вами на Вахше – на целую голову выше этого! Я утверждаю, человечество не знало работ в подобных условиях. Простите, но мне кажется это неосуществимо.

Прогноз Гордона не оправдался. Советский народ взялся за гигантскую стройку. А начал её Калижнюк. Наблюдая за тем, как Вахш, зажатый в узкое ущелье, гремит и пенится, Семён Константинович не раз повторял:

– Проложить тропу для тех, кто идёт следом, вот в чём заключается для меня главная романтика. Потенциальная энергия Вахша больше Волги. Река не должна попусту растрачивать свои силы. С её помощью мы преобразим эту землю. Вахшская долина станет одним из красивейших мест. Нуреку быть! Верю, что его назовут «Жемчужиной Таджикистана».

Ванины родители и все строители Нурекской ГЭС не сомневались в этих словах. Для них Нурек с самого первого дня был настоящей жемчужиной.

Видя неподдельный интерес сына ко всему, что происходит вокруг, Николай Сергеевич Спиридонов постоянно рассказывал Ване об этапах строительства.

– Нашу стройку называют колоссальной, уникальной, грандиозной. Но это не просто знак отличия, а ещё и величайшая ответственность. Понимаешь, сынок, мы здесь в Нуреке не можем пользоваться готовыми решениями, потому что они сюда не подходят. Мы всё начинаем с нуля.

Стройка наша развернулась в узком горле реки Вахш. Здесь частые землетрясения силой до девяти баллов. Нурек от ближайшей железной дороги отделяют горные перевалы почти

в две тысячи метров высотой. Они затрудняют движение транспорта и доставку огромного количества грузов, необходимых для строительства.

Во время летних паводков Вахш переносит более пяти тысяч кубометров воды в секунду. Это очень-очень много, сынок. Люди, живущие здесь с давних времён, называют Вахш стремительным, непокорным, бешеным. Взяться за его покорение могли только смелые люди, готовые к решению нескольких сотен самых неожиданных задач. Мы с гордостью говорим о том, что и наша семья в числе этих смельчаков. Слово «впервые» стало для нас главным. Почти всё, что мы делаем в Нуреке, делается впервые. Впервые в толще гор мы пробиваем искусственные русла огромного сечения. Впервые в мире сооружается трехсотметровая насыпная плотина, в которой будут установлены оригинальные малогабаритные гидроагрегаты в триста тысяч киловатт каждый. Это большие мощности, сынок, поверь мне на слово.

Ваня верил. Для него отец – авторитет. Слушать его одно удовольствие. Пусть сейчас многое ему не понятно, со временем всё по полочкам уляжется. Мама иногда знаки отцу подаёт, мол утомил ты ребёнка. А он смеётся.

– Ангел мой, наш Ванюша – мужик настоящий. Я им горжусь.

– И я горжусь, Коля. Ванечка лучший ученик в классе.

– Нет, мамочка, Лаврушка лучше меня учится, – Ваня никогда пальму первенства себе не присваивает. Он знает, что девочек уважать нужно, особенно таких, как Ангелина. Он об этом потом, а сейчас нужно внимательно слушать, что он и делает.

– Папочка, а что дальше?

– Прежде чем построить плотину, мы сделаем туннели, перекроем Вахш, направим его в искусственное русло. Учёные подтвердили, что это возможно. Вахш так причудливо изогнулся, потому что когда-то именно в этом месте его путь преградили каменные глыбы, которые упали в реку после землетрясения. Эти глыбы заставили Вахш пробивать себе новую дорогу. А нам теперь нужно показать Вахшу еще один прямой путь. Вот для этого проходчики и пробивают туннели. Их будет четыре: два в нижних ярусах сделают только на время строительства и потом навсегда закроют. Они нужны нам для того, чтобы Вахш в сторону отвести. А вот два туннеля в верхних ярусах понадобятся нам для того, чтобы во время больших паводков пропускать воду из Нурекского моря в русло Вахша.

– Воду из моря? Здесь будет море? – воскликнул Ваня, который море видел только на открытках и не мог понять, как здесь среди высоких гор сможет разместиться синее море.

– Когда мы Вахш перекроем, воды столько накопится, что море здесь обязательно будет, – пояснил отец. – Но нам нужно запастись терпением, Ванюша. Вначале мы реку в сторону отведём, русло Вахша высушим, а уже после этого будем насыпать плотину. Плотина наша станет ещё одной горой, но перевёрнутой вниз головой, – отец нарисовал на бумаге, два треугольника вершинами вверх, провёл по ним четыре линии. Между горами нарисовал треугольник вершиной вниз, написал «Плотина». – Вот такая конструкция должна у нас получиться, сынок. Линии – это будущие туннели. Каждый сделают длиной по тысяча шестьсот метров, а шириной более ста квадратных метров, чтобы внутри свободно поместились четыре машины БелаЗ.

– Это такие ярко-жёлтые гиганты, которые по склону горы носятся, – пояснила мама.

– Пока на левом берегу строятся туннели, на правом машины и бульдозеры разравнивают площадку под будущую громадину плотины и здание гидроузла. Если ты, Ванюша, хорошенько присмотришься, то увидишь почти на самой вершине горы огненную точку. Это – флажок. Он показывает высоту, на которую поднимется наша самая высокая в мире насыпная плотина.

– Аж голова кружится на такую высоту смотреть, – признался Ваня.

– То ли ещё будет, сынок... – отец обнял сына. – «Терпение и труд всё перетрут». Мы справимся. Подготовительный этап всегда самый сложный. Ошибаться нам нельзя. Мы плотину на века строим. А самая взрывная сила на стройке – это человеческая воля, героизм и величие духа. У нас всего этого с избытком!

## Плотина

Слово «героизм» Ване особенно понравилось. Он уговорил Илью и Ангелину испытать взрывную силу, о которой говорил отец, и украдкой сбежать посмотреть на экскаваторы и самосвалы. Машины карабкались вверх по горным кряжам и каким-то чудом удерживались на узких, отвесных дорогах. Детям было интересно наблюдать как нагруженными машины медленно ползут вниз и вдруг исчезают из вида, словно их похищает дух горы. Лаврушка и Ваня кричали:

– Ух ты, он ещё одну машину проглотил!

– Ненасытный какой, этот дух горы.

– Вовсе это не дух, а туннели, – хмыкнул Илья. – Это они всему виной.

– Точно. Туннели, как я про них забыл? – Ваня хлопнул себя ладошкой по лбу. – Папа говорил, что нижняя перемычка дамбы находится на высоте восемнадцать метров, а над ней – выходной портал строительного туннеля.

– А я про духа горы буду думать, – заявила Ангелина.

– Думай про что хочешь, тебе можно, ты же у нас Лаврушка, – Илья рассмеялся. – Станешь взрослой, сказку напишешь.

– Обязательно напишу, – Ангелина взяла мальчиков под руки. – А пока будем наблюдать и всё запоминать...

Техники на стройке с каждым днём становилось всё больше. С тяжёлым надсадным рёвом ползли мощные тягачи, везли на стальных приземистых платформах детали невиданных размеров, огромные ковши для экскаваторов, гусеничные траки. Экскаваторы монтировали на месте. Первый собирали двадцать дней. Посмотреть на эту громадину пришёл весь Нурек. Седобородые аксакалы с обветренными лицами подходили к машине, трогали её, поражённые видом стального гиганта весом более двухсот килограммов, громко цокали языками. С неподдельным интересом наблюдали люди за тем, как кабина экскаватора легко ходит на поворотном кольце, как ковш массивными зубьями со скрежетом вонзается в каменное крошево и поднимает свою добычу над землёй, окутываясь густым облаком пыли. Мощный, сильный, зубастый задранный вверх ковш казался фантастическим чудищем на фоне ярко-голубого неба. Он поворачивался, разжимал челюсть и выбрасывал наружу каменный поток. Кувыряясь и подпрыгивая летели вниз по склону многотонные глыбы, с сухим шелестом падал щебень, с треском шлёпались камни побольше. Возгласы восхищения сопровождали работу гиганта.

Люди привыкли к гулким, мощным, раскатистым взрывам, которые непрерывно грохотали в ущелье. Взрывами разрушали скалы из крепкого алевролита, пробивали новые дороги в крутых склонах гор. Экскаваторы убирали взорванную породу. Перед взрывом ревели сирены. Люди с красными флажками перекрывали движение, чтобы обеспечить полную безопасность. Метр за метром строители с огромными усилиями подбирались к проектным отметкам, строили дороги к горным выработкам. Доверху гружёные самосвалы, подъезжали к реке и высыпали в Вахш десятки миллионов кубометров горных пород.

Отец объяснял Ване, что возведение земляной плотины – дело трудоёмкое. Говорил он и о том, что строителям нужно весь выбранный в карьерах материал равномерно распределить по дну плотины, уложить с нужным уплотнением, а потом проверить его надёжность. Доставка земляного материала – главная задача, но именно её труднее всего решить.

– Наши двадцатисемитонные самосвалы можно сравнить с чайными ложками, которыми мы насыпаем грунт.

– Почему ты их так назвал, папа? – удивился Ваня.

– Медленно работаем, Ванечка. Едут машины гуськом с черепашьей скоростью, своим весом разбивают дороги. Летом в кабинах невыносимая жара, не все водители могут выдержать такие условия. Машины стареют, требуют ремонта.

– А ещё повсюду на склонах висят «живые камни», которые от небольшого сотрясения могут сорваться и упасть за землю, – добавила мама. – Дождь прошёл, снег выпал, и камни ожили, пришли в движение. Бывает куропатка пролетит мимо такого камешка, и разбудит лавину, которая вниз с огромной скоростью понесётся. Страх...

– И что делать? – у Вани глаза округлились. Ему «живые камни» и впрямь живыми показались, даже поговорить с ними захотелось, попросить их вести себя хорошо, чтобы плотину быстрее построили. Мама словно его мысли прочитала, сказала:

– Есть у нас в Нуреке альпинисты, которые уговорят любой камень. Они поднимаются на верёвках вверх по горе, находят такие «живые камни» и аккуратно сбрасывают их вниз. Работа у альпинистов очень опасная. Им без смелости, мужества и твёрдой воли не обойтись. От них зависит жизнь многих людей, которые пойдут следом.

Именно тогда зародилось у Вани желание совершить высокогорное восхождение на пик Победы или подняться на Казбек, чтобы стать таким же заслуженным мастером спорта, как главный альпинист Нурека Владимир Галустов, о котором рассказала мама. Эта мечта чуть позже привела Ваню в кружок альпинистов. Но вначале было грандиозное событие, которого нурекчане ждали целых пять лет.

28 марта 1966 года ровно в полдень Пулисангинское ущелье потряс мощный взрыв, с которого началось перекрытие Вахша. Этот направленный взрыв обрушил перемычку, ограждавшую входную часть строительного туннеля нижнего яруса Вахша. Река ринулась по новому руслу через огромный подземный лабиринт длиной тысяча шестьсот двадцать шесть метров. Строителями Нурека был сделан первый важный шаг, одержана первая крупная победа, которую ждала вся страна. Из специально оборудованного вагончика диктор передал в Москву:

– Свершилось! Первая победа нурекских строителей! Взрыв долгим эхом затихает в горах!

Целую неделю до этого лил проливной дождь. Но погода не помешала нурекчанам готовиться к празднику. Город украсили транспарантами, флагами, лозунгами. Гости ехали и ехали в Нурек отовсюду. Город в день перекрытия стал своеобразной Меккой. Сотни машин самых разных марок спешили на строительную площадку. Из Душанбе прибыли руководители ЦК коммунистической партии Таджикистана и правительства республики, телевидение и пресса, студенты душанбинских институтов и школьники. Всем хотелось своими глазами увидеть, как будет покорён Вахш.

Бурильщики и взрывники, мокрые и грязные, вели зарядку скважин. Взрыв перемычки был назначен на двенадцать часов дня. К этому времени дождь перестал, выглянуло щедрое нурекское солнце. Ваня решил, что светило тоже захотело посмотреть на подвиг людей, взявшихся за такую грандиозную стройку. По главной улице города – Ленинскому проспекту нескончаемым потоком люди шли к выходному portalу туннеля, туда, где должна была появиться мощная струя вахшской воды, прошедшая через толщу горы. Все нарядные, счастливые с шарами и цветами. Играл оркестр, щёлкали фотоаппараты.

Тысячная толпа облепила берег. Ваня с Ильёй вскарабкались на одинокую чинару. Лаврушка была с мамой в рядах журналистов. Седобородые аксакалы выделялись среди прочих своей традиционной одеждой и особым любопытством. На их глазах совершается чудо: сотни смелых Фархадов поворачивают реку, воплощают в жизнь великий замысел прекрасной княжны Замин.

За несколько минут до взрыва голоса смолкли. Взрывники в белых рубашках гордо прошли по временной перемычке, отделяющей туннель от Вахша. К взрыву всё готово. Команд-

ный пункт расположился в подходной штольне «5С». Минуты ожидания показались людям вечностью. В наступившей тишине был слышен только мерный шум Вахша. Наверху в горах появилось небольшое серое облачко и только потом раздался глухой щелчок. Это был предупредительный взрыв. Несколько секунд спустя над сизой вершиной, за которой находился створ плотины, вздыбился вулкан дыма, камней и щебня. Горы задрожали, разнося многократное эхо мощного взрыва.

Люди закричали: «Ура!» Полетели вверх каски, шапки, тубетейки. Строители кинулись обнимать друг друга. А Ваня с Ильёй неотрывно смотрели на портал, ждали воду, но она почему-то не появилась.

– Не будет сказки, Ванька, – пробурчал Илья. – Вахш не послушался людей, не захотел по новому руслу течь. Не понравилось ему, наверное, как поверхность бетона в туннеле готовили, наплывы не все вырубил. Не зря твой батя говорил, что бетон должен быть гладким и «здоровым», чтобы вода текла по подземной трубе с нужной скоростью. Не «вылечили», наверное, бетон, вот Вахш и взбунтовался.

– Нет, Ильюха, не взбунтовался, смотри! – Ваня указал на слабую струйку воды, которая потекла вниз.

– Ура! – закричали мальчишки. Но их радость была недолгой.

Струйка быстро сникла и совсем исчезла. Однако через пару минут она снова появилась, забурлила, а следом за ней вырвалась наружу грязная вспененная жижа и выплёвывая камни, суглинок, щебень, полилась в русло.

– Ура!!! – закричали люди. Сказка стала былью. Богатыри реку повернули.

Но чтобы совсем перекрыть Вахш и получить в старом русле сухое ложе для строительства плотины, потребовался ещё один взрыв. Ванин отец Николай Спиридонов предложил на берегу реки возвести сборную железобетонную подпорную стену, а за ней создать огромный склад камня, суглинка и гравия. Породы уложили слоями в обратном порядке против того, как они должны будут после взрыва улечься в верхней перемычке будущей плотины. Под подпорной стенкой заложили более трёхсот тонн взрывчатки. Новый взрыв приурочили к сорок девятой годовщине Великого Октября.

3 ноября 1966 года в десять часов утра взрывник Тавар Курбанов – член Президиума Верховного Совета республики, замкнул взрывную электросеть. Раздался взрыв такой силы, что вызвал в Нуреке и ближних кишлаках землетрясение силой в пять баллов. Зато в основание будущей высотной плотины с невероятной точностью легли двести пятьдесят кубометров суглинка, гравия и камня. Полное перекрытие реки состоялось.

Вахш пошёл по новому руслу через Сандук-гору. Старое русло начали зачищать для будущих работ. Со дна подняли огромный камень алевролит. Он был таким красивым, что строители решили оставить его на главной площади. Пусть стоит в центре города и напоминает будущим поколениям о силе и мужестве покорителей грозной реки и о том, что люди – главные камни в фундаменте любого большого дела. Слова: «Мы – камни в фундаментах наших плотин!», выбитые на алеворлите, для нурекчан имеют особое значение.

Через полгода после второго взрыва были тожественно уложены первые кубометры бетона в основание ядра плотины. 5 мая 1967 года состоялся митинг, после которого самосвалы, украшенные красными флагами и транспарантами, повезли бетон. Первым самосвалом управлял Александр Наливайко. Он заслужил это право, став победителем многодневного соревнования шоферов. Под многоголосое «ура!» Наливайко передал свой драгоценный груз Камолу Хамсариеву – бригадиру первой на стройке бригады таджиков. Рядом с Камолом стояли начальник строительства Нурекской ГЭС Егор Кузьмич Седых; старейший строитель, прокладчик горных дорог, семидесятипятилетний Гулом Одинаев; комсомолка Сафармо Хикимова и бригадир проходчиков Тавар Курбанов. Им выпала честь заложить в ядро плотины металлическую капсулу, на которой были выгравированы слова: «Нурекская ГЭС. 5 мая

1967 года». В капсулу положили шёлковое полотнище с посланием, адресованным в будущее: «В год пятидесятилетия Великого Октября. В честь героических свершений советского народа, воздвигающего под руководством партии Ленина здание коммунизма, строители энергогиганта закладывают эту капсулу в том месте, где по воле человека поднимается высочайшая в мире плотина, как символ победы человека над природой, как символ победы над могучим и непокорным Вахшем.»

Первый бетон в ядро плотины уложил Камол. За ним, взревев моторами, потянулась вереница самосвалов. Камолу и его товарищам предстояло перейти от торжеств к будничной тяжёлой работе и день за днём, кубометр за кубометром наращивать бетонное ложе, на котором будет расти уникальная плотина, не имеющая себе равных по высоте...

Николай Сергеевич Спиридонов объяснял сыну Ване, что технология отсыпки плотины только кажется простой, на самом деле, она достаточно трудоёмкая и требует много времени. После того, как сделают бетонное ложе, в чашу насыпят первые кубометры суглинка и фильтрующих материалов. Их как следует укатают, утрамбуют так, чтобы плотность пробки стала почти такой же, как у бетона.

Грунт из карьера на плотину доставлял почти пятикилометровый транспортёр. Дождевые установки его перед укладкой хорошо увлажняли. Автоматическая система учитывала необходимое количество грунта. Для возведения плотины его требовалось пятьдесят миллионов кубометров. Цифра фантастическая.

Ваня долго не мог понять, сколько это. Тогда отец взял лист бумаги и написал пятёрку со множеством нулей. Ваню цифра впечатлила. Но ещё больше впечатляли его масштабы строительства, о которых говорил отец.

– Под землёй будет проложено сорок километров туннелей, сооружён подземный напорно-станционный комплекс. На площадку, где будет построено здание ГЭС, уложат два миллиона кубометров бетона. Внутри здания разместится уникальное механическое и электрическое оборудование, которое весит более трёхсот тонн! Это, Ванюша, десять наших тридцатитонных БелАЗов.

– Как же их привезут сюда по узким дорогам? – задал резонный вопрос Ваня.

– Молодец, сынок, – улыбка озарила лицо отца. – Вдумчивым человеком ты растёшь, это хорошо. Для будущего гидростроителя важно знать детали и учитывать все мелочи. Мало победу над непокорной рекой одержать. Нужно ещё установить оборудование, которое потом будет ток давать. Над задачей, как лучше из Запорожья привезти в Нурек эти громадины, трудились много людей. Спорили, подсчитывали так и этак, решили, что на отдельных участках железной дороги придётся переделать мосты, кое-где заменить рельсы, а в горах от перевала Чормазак до Нурека проложить специальное шоссе, в обход старой, извилистой дороги. А мы уже здесь, на месте, будем монтировать это оборудование.

Ваня прижался к отцу, подумал, что он – самый счастливый мальчик, потому что у него та-а-а-кой папа – главный инженер строительства, создатель, покоритель бешеной реки, после перекрытия которой в горах появится море. И он, Ваня, когда вырастет, тоже станет создателем.

Он уже много чего знает, да и не он один. Лаврушка с Моисеем тоже знают о том, что чем выше плотина поднимется, тем глубже будет Нурекское море. Вон уже какое большое водохранилище образовалось, а всего-то закрыли первый туннель.

Второй туннель пока ещё работает. Он нужен, чтобы в Вахш сбрасывать столько воды, сколько потребуется людям. Когда плотина до второго яруса – второго бьефа поднимется, этот туннель тоже навечно закроют. К тому времени уже сделают два отводных туннеля верхних ярусов, которые будут пропускать воду из Нурекского моря в русло Вахша и служить аварийным водосбросом на случай больших паводков.

Отец рассказывал Ване, что в туннелях впервые для Нурека устанавливают управляемые рабочие и аварийно-ремонтные затворы. Системы ставят в основных шахтах почти стометровой высоты, чтобы регулировать пропуск воды при огромном её напоре. Водосбросные сооружения смогут пропускать четыре тысячи кубометров воды в секунду. Через турбины ГЭС пройдёт полторы тысячи кубометров. Это позволит станции работать без перебоев даже в случае невиданного летнего паводка. А пока строители работают в туннелях и на укладке ядра плотины. Им мешают осенние и весенние ливни, которые размывают ядро, тормозят работу. Для защиты ядра Ванин отец придумал специальную «крышу». Он предложил сделать её сборной или монолитной, заполненной сжатым воздухом или гелием. Вместе с главным технологом и главным механиком они подготовили расчёты, убедили руководство, что «крышу» построить выгоднее, чем пережить сезоны проливных, затяжных нурекских дождей.

Самый страшный дождь, запомнившийся всем нурекчанам, прошёл накануне перекрытия Вахша, в ночь с 15 на 16 марта 1966 года. Зима в тот год выдалась малоснежной, солнечной всем на радость. Только метеорологи всеобщей радости не разделяли. Они предупреждали строителей, что природа обязательно вернёт весной или летом то, что не дала зимой. Напророчили.

В начале марта зарядили дожди. Вода в Вахше резко поднялась. Мощные мутно-коричневые потоки устремились на искусственную перемычку перед входным порталом туннеля. Насосы не успевали откачивать воду. Вахш свирепствовал, уносил с собой галечник, суглинок, камень из перемычки. С каждым часом положение становилось всё более угрожающим. В срочном порядке решили наращивать перемычку перед входным порталом. В предотвращении катастрофы участвовали все строители.

Свет мощных прожекторов, освещавший маленький пятачок стройки, едва пробивался сквозь завесу дождя. Натужно рыча, подъезжали к входному portalу десятки тяжёлых самосвалов. За час с небольшим была создана новая дорога, эвакуированы строительные механизмы из туннеля. Но Вахш не сдавался. Вода подмыла трансформаторную подстанцию. Электрики едва успели перерезать провода. Крайний трансформатор рухнул в воду. Люди, бросившиеся его спасать, чудом остались живы, но трансформатор из реки всё же вытащили.

Жестокая борьба со стихией длилась двое суток, а потом неожиданно выглянуло солнце и вода пошла на спад. Лица людей просветлели. Возведение плотины можно было продолжить. Старожилы утверждали, что такого потопа на Вахше не было более тридцати лет. Говорили, что природа проверяет строителей на прочность. Общая беда, общее горе их сплотили. В сложной ситуации люди стали такими смелыми, что готовы были совершить подвиг, даже рискуя жизнью. Проверку они прошли с честью, значит, задуманное дело завершат, плотину построят.



Так и вышло. Звёздный час Нурека наступил осенью 1972 года. В честь пятидесятилетия образования СССР Нурекская ГЭС была досрочно поставлена под нагрузку. Утром 14 ноября в семь часов двадцать пять минут машинный зал здания ГЭС вздрогнул от гула турбины. Первый агрегат крупнейшей в Средней Азии гидроэлектростанции начал вращаться под напором Вахшской воды на холостом ходу.

На следующий день 15 ноября в восемь утра первый агрегат был поставлен под промышленную нагрузку, а в одиннадцать часов двадцать минут утра пусковой агрегат был включён. Нурекская ГЭС начала давать ток.

Второй агрегат строители пустили в день энергетика 22 декабря. Потом было ещё много досрочных пусков остальных агрегатов. А с пуском последнего девятого в Нурек пришёл самый большой праздник. Уникальная ГЭС на Вахше заработала всеми девятью агрегатами на год раньше срока. Эта победа для советского народа стала одной из главных в десятую пятилетку. Вместе с легендарными Магниткой и Днепрогэсом вписан в историю страны Вахшстрой – великая школой воспитания людей. Проходчики, бетонщики, строители и монтажники, сделав свою работу в Нуреке, снова ушли под землю, в гранитные недра горных хребтов. Выше по течению Вахша начиналось строительство Рогунской ГЭС и города Рогун.

Ваниного отца Николая Сергеевича Спиридонова назначили начальником строительства. Ему предстояло всё начать с чистого листа. Люди с готовностью пошли за ним. Спиридонова ценили, уважали, любили. Им гордились. Сдержанный, строгий, волевой, справедливый, мудрый. Человек с большой буквы. Он искренне от всего сердца любил таджикский народ, делал

всё, чтобы людям жилось лучше, радовался успехам, горевал из-за неудач. Он заложил первый камень при строительстве города солнца, так окрестили Рогун его будущие жители. Николай Сергеевич назвал будущую Рогунскую ГЭС вершиной Вахшского каскада, жизненно важной для страны электростанцией. Он был уверен в том, что насыпная Рогунская плотина поднимется на рекордную высоту триста тридцать пять метров. Но... Жизнь внесла в планы строительства свои коррективы...

Советским людям не удалось установить новый мировой рекорд по высоте насыпных плотин, не удалось получить самую дешёвую в мире электроэнергию...

## Ностальгия – Асабони

Илья Петрович Моисеев прошёлся по кабинету, остановился у карты мира, проговорил сдавленным голосом.

– Эх, Ванька, Ванька, разве в далёком 1962 году мы могли представить, что жизнь преподнесёт нам сюрпризы похлеще тех, что выдавал своенравный Вахш.

– Мы тогда ни о чём не думали, Петрович. Мы познавали непознанное.

– А оно познавало нас, – Илья повернулся. – Хочу рассказать тебе, Ванька, о странной судьбоносной встрече... Я почти десять лет хранил свою тайну. Надоело. Устал молчать. Молчать меня никто не заставлял. Я сам так захотел. Верил, что обет молчания поможет чуду совершиться быстрее, а когда понял, что чуда не будет, позвал тебя, усадил за стол, налил коньяка, выпил залпом... для храбрости...

– Ты никогда трусом не был, Моисей.

– Не перебивай меня, Коляныч. Дело деликатной... Помнишь, как мы в горах чуть не погибли?

Иван кивнул. Такое не забывается. Илья решил тогда характер показать, первым пошёл по запретной тропе и провалился в расщелину. Хорошо, что они были связаны страховочным тросом, в одной сцепке шли. Ваня от неожиданного рывка свалился на землю, ухватился за камень, истошно заорал. На его крик никто не отозвался. Тогда он потянул верёвку. С той стороны Илья тоже потянул. Значит, жив. Теперь главное не паниковать, а думать. Решение должно быть верным и быстрым, как выстрел в цель. Так учил их тренер Геннадий Степанович, мастер спорта по альпинизму, покоривший вершину Фанских гор – пятитысячник Большую Ганзу.

– Запомните, парни, горы фокусов не любят, фокусников они всегда наказывают, – сказал он.

– Мы не фокусники, мы – первопроходцы, – Илья выпятил грудь вперёд.

– Долой самоуверенность, пацаны. Вы – ещё цыплята неоперившиеся. Не вздумайте лезть туда, где нет троп. Опытные альпинисты уже изучили эти горы и проложили безопасные маршруты для таких смельчаков, как вы. Пальма первенства у других, смиритесь с этой мыслью, ребята.

– У нас тоже будут свои пальмы и свои вершины, Геннадий Степанович. Вы же нам сами говорили, что альпинизм – это лучший способ перезимовать лето. Мы в горы пойдём и новые тропы найдём... – заявил Илья со свойственной ему самоуверенностью.

– Что вы задумали? – тренер насторожился.

– Ничего, Геннадий Степанович, это просто трёп. Вы же меня знаете, – Илья рассмеялся. – Мы прекрасно усвоили, что походная обстановка открывает скрытые возможности, показывает, на что именно способен человек. Мы – хорошие ученики. Сможем самую ядовитую змею поймать, найдём брод, через бурную реку переправимся, на отвесную скалу поднимемся... под вашим чутким руководством... Без вас ни-ни...

Геша им поверил. А они с Ильёй решили рискнуть. Теперь вот расплачиваются за свои фокусы. Помощи ждать бессмысленно. Никто про эту вылазку не знает. Даже Лаврушка вне игры. Значит...

Ваня медленно пополз к пролому, понимая, что может полететь следом за Ильёй.

– Петрович, ты как? – голос предательски дрогнул.

– Держусь за уступ, – ответил Илья еле слышно. – Силы берегу... Вытащить меня сможешь?

– Попробую. Главное, чтобы страховка не подвела, – сказал Ваня, вбивая крюк. Намотал на него верёвку, встал на колени, потянул. Вбил ещё один. Дело пошло. И вот уже над проломом появилась голова Ильи. Лицо в крови, в глазах испуг, губы трясутся.

– Тя-я-я-ни...

Потом они долго лежали на земле, смотрели, как по небу бегут барашки облаков и плакали. Это были их первые мужские слёзы. Слёзы счастья от того, что всё позади. Жизнь продолжается. Через месяц выпускной...

Илья провёл рукой по лицу, пытаясь стереть пелену воспоминаний. Покачал головой.

– Эх, Колянч, Колянч, какими мы были раньше... самоуверенными. Мне до сих пор не даёт покоя наша с тобой вылазка в горы. Мы без разрешения потащились на вершину для того, чтобы убедиться в том, что мы – настоящие мужчины, что любые трудности сможем преодолеть... Преодолели. Слава Богу, живы остались, клятву верности скрепили кровью, а потом... потом что-то надломилось в отлаженном механизме. Неразлучные друзья разбежались в разные стороны. Лаврушка на журфак поступила, по стопам мамы пошла. Стала известной, богатой...

– Да и мы не бедствуем, Петрович, – вставил своё слово Илья.

– Не обобщай, – Илья снова стёр с лица нахлынувшие воспоминания. – Понимаешь, я места себе не нахожу, слоняюсь из угла в угол, как бильярдный шар, и не знаю, как избавиться от наваждения. Десять лет почти маюсь, Колянч. Глупо. Здоровый мужик, как баба в истерику впадаю, в депрессию, занимаюсь самобичеванием вместо того, чтобы радоваться жизни во всех её проявлениях. Ничто меня не радует, Ванька. А всё потому, что я пытаюсь найти незнакомку без имени... – хмыкнул. – Это вовсе не пересказ фильма «Девушка без адреса». Это – супер модный фильм ужасов, главным участником которого я стал совершенно для себя неожиданно...

Поначалу всё было банально, прозаично. Я зашёл в кафе пообедать. Сел за столик, взял ложку. Вдруг с шумом распахивается дверь, входит в наше кафе высокий человек в кожаном костюме и шлеме мотоциклиста. Минуту стоит молча, оценивает обстановку. Все посетители и я в том числе парализованы, словно нам кто-то приказал замереть. События разворачиваются, как в замедленном кино. Мотоциклист снимает шлем, встряхивает головой, и мы видим, что это женщина с огненно-рыжими волосами. Лицо у неё словно белый мрамор, губы неестественно алые, глаза светло-карие огненные. Она делает несколько шагов по воздуху, опускается за мой столик, прожигает меня взглядом. Говорит знакомо-незнакомым голосом:

– Привет! Ты меня не узнаешь?

Я слова сказать не могу, окаменел. А она со мной как со старым знакомым беседу ведёт. Про Вахш спрашивает, про ГЭС, про перевал и смеётся, потому что я мычу что-то невразумительное. Она выпивает мой чай, встаёт и уходит так же по воздуху. На столе остаются её краги. Неведомая сила подталкивает меня к двери. Хватаю краги, кричу:

– Постойте!

– Моё имя Ангелина, – говорит она строгим голосом, не оборачиваясь. – Я не ожидала, что ты так быстро всё забудешь, Илья.

– Я ничего не забыл, – бубню я, пытаюсь оправдаться. – Я просто не знаю, кто ты и откуда взялась. Ты на Лаврушку совершенно не похожа.

– Лаврушка это кто? – она поворачивается. На лице удивление. Рот вытягивается в огромную букву «О». И тут меня прошибает.

– Ты – робот, робот. Ты – пришелец... Зачем я тебе понадобился? За какими секретами вы охотитесь?

Она улыбается, кладёт мне на плечо свою нежную руку и я приседаю от непомерной тяжести, навалившейся на меня. Голос её теперь звучит не снаружи, а внутри меня.

– Сигнал связи с пришельцами установлен, – думаю я. – Что со мной теперь будет? Куда меня телепортируют?

– Успокойся, – голос её смягчается. – Тебе нечего бояться, Илия. Всё, что нам нужно, мы узнаем без твоей помощи. А вот то, что принадлежит нам, ты должен вернуть.

Она проводит рукой по моему лицу, кровь заливает мне глаза, как тогда, когда я в расщелину провалился. Темнота и онемение накрывают меня с головой. Я теряю равновесие и лечу вниз... Падение моё заканчивается на больничной койке.

– Ах, касатик милый, что же ты без шлема на мотоцикле гоняешь, – укоризненно выговаривает мне милая бабуля в белом халате. – Богу спасибо скажи. Радуйся, что добрые люди тебя спасли. Будешь жить долго. Вон и зазноба к тебе пришла...

– Зазноба? Нет у меня никаких зазноб...

– Как же нет, когда вон она какая, – бабуля распахивает дверь. На пороге моя инопланетная мотоциклистка в шикарном платье. Хоть сейчас под венец.

– Ты жив! – восклицает она, делает два шага по воздуху и впивается губами в мои. Я снова лишаясь чувств и лечу куда-то в беспредельность.

Не знаю, сколько времени провёл я в прострации, но когда очнулся, увидел ещё одну реальность. Дом, сад, озеро с лебедями, дети, в шезлонге женщина с книгой. Ветер сорвал с её головы шляпку, растрепал огненно-рыжие волосы.

– Ты будешь искать меня всю свою жизнь, – услышал я её знакомо-незнакомый голос. – Ты будешь мучиться и страдать, но быть рядом со мной не сможешь никогда, И-ли-я...

– Почему?

– Потому что ты совершил ошибку, за которую должен расплачиваться...

– Кто ты? Как твоё имя?

– Судьба...

Видение исчезло. Я понял, что сижу в том же кафе. Обед остыл. Чая нет. На столе лежат краги. Я – мотоциклист чуть было не попавший под колёса грузовика, за рулём которого сидела...

– Она??? – выпалили Иван.

– Да, – Илья улыбнулся. – Её звали вовсе не Ангелина. У неё было простое имя Айгуль. Умница, красавица, внешне очень похожая на мою незнакомку... Она любила мотоцикл и меня...

Ты снимешь шлем и волосы распустишь,  
Когда мы остановимся на отдых.  
И миллион причин найдутся сразу,  
Чтоб заискрился между нами воздух.  
Казалось мне, усталость пересилит,  
Но блеск в глазах и губ твоих движенье  
Толкают нас в объятия друг к другу.  
В огне любви горим в изнеможенье...

Мы были вместе пару лет, а потом... Айгуль собрала вещи и уехала куда-то. Я её не искал. Я ждал другую рыжеволосую подружку... Я ничего не могу с собой поделаться. Внутри меня звучит знакомо-незнакомый голос, приказывающий отыскать потерю во что бы то ни стало. Шрам пульсирует с нарастающей силой, приводя меня в бешенство... Вот и сейчас, смотрю...

На левом виске Ильи вздулась бороздка шрама, оставшегося после того злополучного падения в расщелину скалы. Ивану почудилось, что кровь просочилась сквозь кожу, стекла тонкой струйкой вниз, а потом вернулась обратно. Илья провёл рукой по лицу, вздохнул:

– С этой тайной, Коляныч, я жил десять лет. Надеюсь, мне теперь полегчает. Будем вместе с тобой искать мою рыжую незнакомку...

– Ну... – Иван пожал плечами. – Мне Лаврушка фотку прислала. Взгляни.

– Лаврушка выкрасилась в рыжий цвет? – закричал Илья. – Едем к ней, немедленно.

– Вынужден тебя огорчить. Лаврушка от нас далеко-далече. К ней на мопеде не домчишься, только на самолёте. Она собиралась поехать на берег Вахша, чтобы по местам детства пройтись и супер репортаж сделать.

– Я тоже хочу по местам нашего детства пройтись. Рыжую бесстыжую девчонку отыскать – главная задача клёвых пацанов, чтоб не снилось больше им дурацких снов, – Илья рассмеялся. – А ведь я не хуже Лаврушки могу супер репортаж сделать. Стихоплётство я уже освоил, дело за малым. Поехали в Нурек, друг Коляныч.

– Поехали...

И вот они в Нуреке. Стоят на вокзале, смотрят на преобразившийся город.

– Ассолуму алейкум! – раздаётся рядом звонкий голос.

– Салом, – отвечают не сговариваясь друзья.

– Шахри зебои Норак! – незнакомец кивает и переходит на русский. Говорит он с незначительным акцентом, но довольно сносно. На вид ему не больше сорока. Среднего роста, лицо загорелое, в глазах хитринка. – Добро пожаловать в Нурек. Наш город прекрасен, как дорогое вино, а с годами становится ещё лучше! Вижу, вы к нам в гости? – и не дожидаясь ответа. – Ба тарафи рости бозор – направо базар...

– Да мы знаем, – прервал его Илья. – Мы выросли вместе с Нуреком. Школу номер один закончили. Пятнадцать лет назад уехали отсюда.

– Вай! Почему же уехали?

– Нужно было дальше учиться, опыта набираться, – ответил Иван дружелюбно.

– Опыт... Разве здесь опыта мало? – таджик покачал головой. – Люди уезжают отсюда и не понимают, что надолго покидать Нурек нельзя, Асабони покоя не даст.

– Кто? – Илья нахмурился. Незнакомец, вставляющий в разговор странные словечки, начал его раздражать. Таджик щёлкнул языком, ответил миролюбиво:

– Асабони – Ностальгия. Она вас сюда привела. Она знает, что тоску по этим местам невозможно унять. Старожилы утверждают, что огненный закат и рыжеволосая комета это самые загадочные явления наших мест, а не вовсе выдумка – ин афсона нест. Бахри Норак знает ответы на многие вопросы...

– Бахри Норак – это Нурекское море, а плотина – сарбанд. Так? – Ваня вспомнил уроки таджикского.

– Хуб анчом, молодец, – похвалил его собеседник.

– Ташаккур, азиз, благодарю, уважаемый, – Иван улыбнулся.

– Мы от темы отвлеклись, Коляныч. Прекращай свой снобизм показывать, – Илья скривился. – Расскажи нам лучше, дорогой Азиз, какой секрет знает море?

– Махфи... – таджик щёлкнул языком. – Секрет хотите узнать. Ну, слушайте: старожилы говорят, что на дне Нурекского моря золотая жила скрыта. Она блестит, сияет на солнце и зовёт, зовёт к себе... Тот, кто увидел её хоть раз, будет сражён её красотой и не сможет успокоиться до скончания века. Но вам бояться нечего. Не каждому Бахри Норак тайну открывает. Не каждый может увидеть то, что сокрыто от глаз людских. А вот плотина – Сарбанди Норак – наша гордость. Мы её всем показываем. Гости думают, что плотину Вахш создал. Они часто спрашивают:

– Сколько времени потребовалось Вахшу, чтобы узкое горло между горами засыпать и морем стать?

– Серьёзно? Неужели, кто-то считает, что плотина сама собой появилась без помощи людей? – воскликнул Ваня.

– Да-да, есть такие люди, дорогой. Сам посуди, тот, кто не видел, какие здесь гигантские машины работали, какая сложная техническая душа спрятана внутри этого сооружения, не поймёт всей мощи Нурека. Не узнает он и о том, какие здесь страсти бушевали и какими ошибками судеб оплачено здесь всё... А вы знаете... Салом бошед – будьте здоровы! Хуш омодед – удачи вам! – таджик исчез. Друзья переглянулись.

– Мистическая личность, – сказал Иван. Илья насупился.

– Будь реалистом, Коляныч. Этот мистический Азиз может запросто оказаться шпионом, засланным казачком. Слишком много знает и слишком хорошо по-русски говорит. Карманы проверь. Мне батя говорил, что азиатам доверять нельзя. В каждом стаде непременно есть паршивая овца. Вот и сейчас мне кажется, что в воздухе пахнет войной. Какие-то странные брожения среди населения.

– Не болтай, Моисей...

– Я не болтаю, Ванька, а говорю тебе о своём предчувствии. Надеюсь, что оно меня обманывает, и это просто зашкаливают мои эмоции. Нам с тобой много чего нужно сделать: отыскать Асабони – Ностальгию, увидеть новую Рогунскую плотину, навестить твоих родителей. Но... начнём мы с Бахри Норака, который должен нам открыть свою тайну...

Тайну свою море им не открыло, зато помогло погрузиться в воспоминания о занятиях альпинизмом, о походе к чудо-озеру Искандер-Кулю. Побывать там мечтали все юные нурекчане, но тренер Геннадий Степанович собрал команду из тех, кто прошёл жёсткий отбор, был в хорошей физической форме, мог разжечь костёр с одной спички, быстро укладывал рюкзак, устанавливал палатку и легко взбирался на вершину горы в полном туристическом снаряжении. Ваня, Илья и Лаврушка в команду попали. Да и как иначе. Они – главные заводилы в любом деле, неразлучная троица.

Чудо – озеро поразило ребят своей нереальной красотой. Ничего подобного они прежде не видели. Стояли с открытыми ртами. Историю этих мест Геша поведал им вечером у костра. Начал он, как водится, издалека:

– Во времена Александра Македонского в горах произошёл сильный завал, который перегородил реку. Воде было некуда деваться, осталась она здесь и превратилась в озеро. Тёмная кромка на скале показывает место до которого поднялась река, подпёртая завалом. Простояла она в закрытом пространстве довольно долго, а потом увидела щёлочку среди камней и устремилась туда. Реку, вытекающую из озера, назвали Искандер-Дарья в честь великого полководца Александра Македонского, а озеро – Искандер-Кулю. Искандер в переводе с греческого – Александр. Вот вам и разгадка.

Изумрудная чаша озера Искандер-Кулю кажется небольшой. На взгляд длину озера определить сложно, горы скрадывают расстояние. А длина озера приличная – без малого семь километров. На противоположном берегу находится метеостанция, возле которой лежит волшебный камень. Почему волшебный? Да потому, что он исписан автографами путешественников, некоторым из которых по сто лет. В те далёкие времена, когда добраться сюда считалось настоящим геройством, люди оставляли на камне свои послания о том, что они побывали здесь.

Смельчаки отправлялись в путь, не зная, вернутся они обратно или нет. Пропasti пугали их бездонностью провалов, вершины ослепляли белизной снега, не было у них такого надежного снаряжения, как у нас с вами. Но неведомая тяга покорителей вершин, заставляла людей совершать восхождения и оставлять свои автографы на волшебном камне.

Сегодня покорять горы проще, но меры безопасности никто не отменял. Мы с вами преодолели Азнобский перевал, похожий на высокие крепостные стены. Сидим у костра, отдыхаем и запросто можем сказать о том, что наш родной перевал Чермагзак на пути из Нурека

в Душанбе – это всего лишь жалкий холмик. Но расслабляться нам с вами нельзя, потому что впереди у нас ещё две ночёвки в Фанских горах и подготовка к новому не менее увлекательному походу в город Самарканд. Готовиться к выходу на маршрут начнём заранее под моим строгим контролем. Проложим кратчайший, сложный путь до Самарканда через Фанские горы. В команду возьму только самых-самых...

И снова неразлучная тройца вошла в число избранных. Геннадий Степанович их любил, хотя особо никого не выделял. При случае мог отчитать по полной программе. Горы шуток не любят.

До посёлка Майхура в Варзобском ущелье доехали на автобусе, берегли силы. Восхождение начали на рассвете, чтобы убежать от жары. Солнце поднималось быстро, но жар его не был сильным, горы охлаждали альпинистов. Они шли вперёд и пели:

«Спой песню, как бывало, отрядный запевала,  
А я её тихонько подхвачу.  
И молоды мы снова,  
И к подвигу готовы,  
И нам любое дело по плечу!»<sup>5</sup>

К вечеру добрались до самого трудного перевала Газнок. Ночь была очень холодной, согреться удавалось с большим трудом. Поэтому вскочили с первыми лучами солнца. Новый подъём продолжался без малого семь часов. На высоте четыре километра воздух был настолько разрежён, что ребята дышали с большим трудом. Кругом лежал снег и лёд. Шли гуськом, зорко смотрели под ноги, чтобы не угодить в трещину. Видели маленькие цветы эдельвейсы – мечту всех альпинистов. Испытали неописуемый восторг от первозданной красоты нескончаемых снежных вершин и поняли, Геша прав: лучшая награда для альпиниста – участие в восхождении. Ощувив себя героями, покорителями вершин, ребята с визгом и смехом покатались вниз к альпийским лугам, к высокой траве и буйной растительности. Короткий привал и снова вперёд. До перевала Акбашир четыре утомительные дня пути. За перевалом раскопки древнего города Пенджимент. Особенно поразило ребят то, что археологи часами сметают кисточками вековую пыль с артефактов. Стать археологом не захотел никто. Решили, что лучше горы покорять и пошли в Самарканд. Эти финальные шестьдесят километров, пройденные по шоссейной дороге за два дня, показались ребятам самыми лёгкими в сложном и опасном пути, который они совершили ради уникальных памятников одного из древнейших городов мира Самарканда, основанного великим Тамерланом.

Вспомнили Иван с Ильёй и о сложном восхождении на гору под названием Бионская синклиналь – «Каменный цветок». Геша тогда сказал им, что природа самым гениальный художник и архитектор, а человек, который пытается её покорить должен быть мудрым и самоотверженным. Поняли друзья, что Геша не просто показывал им величие природы, а исподволь готовил ребят к профессии альпинист, такой необходимой на горной стройке. Он постоянно рассказывал им о том, что отряды альпинистов всегда впереди, что они устанавливают ловушки в виде металлических сеток для неустойчиво лежащих камней, а при необходимости сбрасывают их вниз. Альпинисты затаскивают на немыслимые кручи буровые станки, опоры электролиний, трубы для водяных и воздушных магистралей. Не ради славы и наград поднимаются они по склонам и волокут за собой рулоны сеток, бухты тросов, швелеры и двутавры, бурильное, сварочное оборудование и всё необходимое для работы, а для того, чтобы проложить дорогу

---

<sup>5</sup> Сакко Васильевич Рунге

другим. Придёт время и по их следам пойдут изыскатели, которые найдут лучшее место для будущей ещё более высокой плотины, чем в Нуреке. Возможно, она поднимется в Рогуне...

Альпинистами Илья с Иваном не стали, им хватило той злополучной вылазки. Самоутвердились и достаточно. Решили получить серьёзную профессию и поступили в Московский инженерно-строительный институт имени Куйбышева на факультет гидротехники. Но думы о Рогуне их не покидали. Они записались в строительный отряд, надеялись поехать в Таджикистан. Увы... Первокурсникам такие серьёзные стройки не доверяли. Их отправили на строительство коровников в Рязань. Там друзья научились отличать раствор от бетона и освоили профессию штукатур-маляр. Провели лето с пользой.

На следующий год Ванин отец прислал для них персональное приглашение в Рогун для участия в научных исследованиях. Илья и Ваня помогали изыскателям, проверяли, можно ли уплотнять связной грунт в ядре плотины, сбрасывая его вниз с высоких отметок. Изыскатели считали, что такой способ поможет существенно сократить работу по укатке тяжёлого грунта, которую применяли на строительстве ядра Нурекской ГЭС. Чтобы понять, подходит этот способ в Рогуне или нет, и проводились испытания.

Для эксперимента изготовили специальную бадью, которая открывалась дистанционно. Её нагружали суглинистым грунтом и поднимали краном на большую высоту. Бадья открывалась, грунт летел вниз на землю, специалисты измеряли его плотность.

Результат поразил всех. Грунт действительно уплотнялся до необходимых значений, но очень неравномерно. Существовали неуплотнённые зоны, что могло впоследствии привести к катастрофе. Этот способ применять не стали. Зато время, проведённое в Рогуне, помогло друзьям по-новому посмотреть на знакомые с детства места, набраться опыта, пересмотреть своё отношение к профессии и к жизни. Парни поняли, что нужно быть фанатом своего дела, чтобы взяться за такое сложное сооружение и в неимоверно тяжёлых условиях возводить насыпную плотину в триста тридцать пять метров. А кроме плотины ещё строить основные сооружения гидроузла, вести колоссальные подземные выработки, пробивать километровые туннели, управлять огромными машинами и параллельно строить город Рогун...

После окончания института Илью и Ваню распределили на работу в научно-исследовательский институт «Гидропроект» со словами:

- Будут ещё у вас свои великие стройки.
- Будут обязательно, – заявил Илья. – Мы с Иваном всегда впереди.

Это было правдой. Одними из первых в августе 1986 года они поехали на ликвидацию последствий крупнейшей в атомной энергетике аварии на Чернобыльской АЭС. Несмотря на то что после аварии прошло уже три месяца, город Припять, обнесённый колючей проволокой напоминал зону «Сталкера» Тарковского. Второпях оставленные дома, разбросанные детские игрушки, тысячи брошенных жителями автомашин, наводили ужас, а смотреть на разрушенный блок электростанции было реально очень страшно.

Авария произошла в ночь на 26 апреля на четвёртом энергоблоке, где проводились испытания турбогенератора. Его планировали остановить для измерения генераторных показателей. Безопасно заглушить реактор не удалось. Он взорвался. Начался пожар, в результате которого была полностью разрушена активная зона реактора, частично обрушилось здание энергоблока, произошёл значительный выброс радиации в окружающую среду, погибли люди.

Сразу после аварии работа станции была остановлена. Шахту взорвавшегося реактора с горящим графитом с вертолетов засыпали смесью карбида, бора, свинца и доломита. После завершения активной стадии аварии шахту закрыли латексом, каучуком и другими пылепоглощающими растворами. На следующем этапе все усилия сосредоточили на создании специального защитного сооружения, названного саркофагом. Работы велись круглосуточно, вахтами.

Люди хорошо понимали, на что идут, работая день и ночь. Помимо ликвидации аварии, в их задачу входило измерение радиационной ситуации на АЭС и исследование радиоактивного загрязнения природы, эвакуация населения, охрана зоны отчуждения, которая была установлена после катастрофы. Врачи осуществляли контроль за облученными и проводили необходимые лечебно-профилактические мероприятия.

Радиационная опасность была очень серьезной. Дозиметристы проверяли каждое рабочее место, прежде чем допустить туда людей. Смены менялись через четыре часа. Работы велись по пятнадцать, двадцать и тридцать минут, чтобы не превышалась допустимая доза облучения. Люди, отработавшие свою вахту, отдыхали в защищенных местах. В ноябре 1986 года бетонный саркофаг, накрывший четвёртый энергоблок Чернобыльской АЭС, был завершён. Выбросы радиоактивных элементов прекратились...

Пробыли в Чернобыле месяц, друзья прошли серьёзную школу выживания, научились слушать свой внутренний голос, доверять своей интуиции. И сейчас, стоя на гребне Нурекской плотины, они оба испытывают непонятное волнение. Может быть, прав таджик, сказавший им про Ностальгию, и сердца болят из-за тоски по прошлому. Или, всё же, прав Илья, который чувствует, что воздух накалён до предела и вот-вот начнётся война. Время даст ответ...

Война действительно началась. Новая программа реформ под общим названием Перестройка, объявленная Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачёвым и его соратниками по партии, привела к кризису в стране. Союз Советских Социалистических республик распался. Прекратилось центральное финансирование Рогунской ГЭС, а у Таджикистана не было собственных средств для такого грандиозного строительства. Кредитов им никто не давал. В 1989 и 1990 годах журналисты, экономисты, поэты, писатели и религиозные деятели Таджикистана развернули против строительства оголтелую компанию. Они утверждали, что Рогунская ГЭС не даст таджикам ничего хорошего, а вот вред от этой гигантомании может быть колоссальным. Если плотина разрушится от землетрясения, то республике будет нанесён миллиардный ущерб. Требования о немедленном прекращении строительства плотины в Рогуне подкреплялись фактами о трагедиях в Америке и в Германии. В местных газетах писали о том, что июне 1976 году в восточной части американского штата Айдахо, в долине реки Снейк рухнула только что построенная насыпная плотина Титон, и мощные потоки воды из водохранилища хлынули в долину, смывая всё на своём пути. Плотина была завершена почти на сто процентов, а водохранилище, рассчитанное на четыреста миллионов кубометров воды, было заполнено на восемьдесят процентов. Во время аварии потоки воды дошли до города, находящегося в ста километрах от плотины. Были разрушены жилые дома, административные здания, затоплены и размыты большие площади плодородных земель. Только в одном графстве Мадисон ущерб оценили в пятьсот шестьдесят миллионов долларов.

– Нужны ли такие жертвы Таджикистану? – кричали борцы против Рогунской ГЭС, сея страх и панику среди народа.

Журналисты знали истинную причину трагедии в Айдахо, но упорно скрывали правду о том, что долине реки Снейк ещё до начала строительства шли серьёзные дебаты по поводу пород, залегающих у основания плотины. Геологи считали, что это место находится в сейсмическом районе и не пригодно для возведения насыпной плотины, к тому же в земле много пустот и трещин, а грунт, который берут для ядра плотины, не достаточно твёрдый, он быстро разрушается. Однако строительные компании игнорировали все предупреждения, добились финансирования выгодного контракта, в результате которого произошла эта трагедия.

Вторая страшная история, на которую опирались борцы с Рогуном, произошла в Германии. Там на боковом канале Эльбы, который находился на высоте шесть метров рядом с мостом, пересекавшим шоссе, прорвало плотину. Канал вмещал пять с половиной миллио-

нов кубометров воды. Неожиданно ранним утром в канале разверзлась дыра шириной в двадцать метров, из которой на прибрежную низменность обрушились десятки тысяч кубометров воды. К вечеру водой были залиты пятнадцать квадратных километров территории. До поздней ночи колонны грузовиков подвозили к плотине мешки с песком, но это не спасло положение. На отрезке канала в тридцать километров до следующего шлюза вытекла почти вся вода.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.